

Матьяна Алюшина

Озерные страсти

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина
Озерные страсти

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алюшина Т. А.

Озерные страсти / Т. А. Алюшина — «Эксмо», 2021 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-04-116886-5

Элитный поселок взбудоражен: в лесу найден труп молодого человека с огнестрельными ранениями. Особенно проницательные жители подозревают в убийстве нового жителя, который предпочитает держаться особняком. Кто он, этот загадочный незнакомец, и почему так решительно не желает ни с кем общаться? Эту и другие тайны Озерного предстоит раскрыть художнице Ане. Захватывающий водоворот страстей, как озеро, затягивает ее все глубже... Не кроется ли за таинственным незнакомцем ее идеал мужчины?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116886-5

© Алюшина Т. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Озерные страсти	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Татьяна Александровна Алюшина

Озерные страсти

© Алюшина Т., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Озерные страсти

– Точно вам говорю, Александра Юрьевна, мужик этот – криминальный элемент, совершенно определенно, и к участковому не ходи, и так все ясно, – уверяла с энтузиазмом женщина, заговорщицкой интонацией и нажимом на каждом слове придавая весомости своим утверждениям.

– Да с чего ты взяла, господи! – негодовала собеседница.

– А я объясню, – настаивала тетка на своих умозаключениях, принимаясь приводить аргументы: – Вот смотрите: Аристарх наш рассказывал, что участок тот давно купили, и несколько лет ничего на нем не строилось. Приезжали изредка какие-то мужики непонятные, подозрительные, целой гурьбой на несколько дней, а то и на недельку-другую, жили в палатках, рыбачили, отдыхали да только ни с кем в поселке не общались, не разговаривали и в коммуникацию не вступали.

– Да боже ты мой! – ворчула Александра Юрьевна, повторив с сарказмом: – В коммуникацию они не вступали.

Анна, затаившаяся на балконе второго этажа, прямо над женщинами, ведущими эмоциональную беседу за чаем, расположившимися за большим столом на веранде, торопливо поджала губы, чтобы даже легким смешком или непроизвольно вырвавшимся ироничным хмыканьем не выдать своего невидимого присутствия при разговоре собеседниц и не конфузить пришедшую, как всегда неожиданно-незванно, соседку, объявившую Александре Юрьевне с решительным, серьезным видом, что имеет к той важный секретный разговор.

Хотя какое там конфузить! Неугомонная сплетница, которую с легкой руки тетки Александры в поселке все звали не иначе как Бибиси, что составляло некий микс из русского «баба бабе сказала» и прямой аналогии с известной британской телерадиовещательной компанией, частенько позволявшей себе вольную подачу информации, особенно в той части новостей, что касалась России, такими категориями, как стеснение, неудобство или конфуз, не обременяла себя и не заморачивалась в принципе.

– Да, не общались ни с кем, – подтвердила обличительница, не уловив в тоне собеседницы откровенного сарказма. – И стоял себе этот участок пустующий годами. А потом вдруг раз, и понаехали строители, да не местные, а какие-то чуть ли не из Питера самого. И ведь что подозрительно, организованные такие, не в пример обычным работягам, сплошной порядок у них: дисциплину не хулиганили, пьяными не замечены были, в поселке не шумели. И раз – построили домище. Да какой! Вы такой дом видывали, Александра Юрьевна? Вот я вас спрашиваю, как ему одному достался этот огромный кусище земли, а? А я вам отвечу: потому что он бандит, не иначе!

– Ну что ты напраслину наводишь, Степанида Ивановна, – негодовала хозяйка. – Ты же прекрасно знаешь, что этот огромный участок совершенно ни к чему не пригоден: расположен на гранитной плите, лишь слегка припорошенной землей, наружу выходят каменные надолбы бараньими лбами, да еще и наклонный, с совершенно неудобным спуском к озеру. На нем и дом-то построить – большая проблема, а уж сад-огород не разведешь и подавно, сплошной камень, земли плодородной нет. Никому тот участок даром был не нужен, еще повезло, что покупатель на него нашелся.

– Как же не нужен! – горячо спорила соседка. – Он же прямо к озеру выходит. Этот вон какую баню отгрохал, и ведь прямо на берегу, и причал капитальный, с мостками от самой бани до воды. А у нас, между прочим, закон имеется об общественной принадлежности водных ресурсов и прибрежной полосы, а он все захватил и обустроил для себя лично.

– Да ничего он не захватывал! – осерчала всерьез Александра Юрьевна. – По закону забор, ограждающий участок, не может стоять ближе двадцати метров от береговой линии, а

у него на добрых тридцать метров отстоит. К тому же этим причалом могут пользоваться все поселковые жители, некоторые и пользуются, держат там свои лодки. – И высказала в сердцах, укоряя: – Вот что ты за человек, Степанида Ивановна, ведь все прекрасно знаешь и про причал, и про забор его участка, ан нет, очернить, наговорить, навести напраслину на человека готова.

– И ничего не напраслину, – вскинулась в защиту своей обличительной версии Бибиси. Шумно отхлебнула чаю, так что слышно было даже Анне наверху, поставила чашку, громко звякнув о блюдце, и продолжила с горячим энтузиазмом свой «хайли лайкли»: – К тому прекрасному причалу не пройти толком ни по берегу, ни поверху, только от его участка спуск и есть. Я же говорю: себе оттяпал.

– Так никто и не ходил, потому что не пройти! – заводилась все пуще раздражением хозяйка. – Человек провел большие работы: очистил берег, привел в порядок кромку воды, построил мостки, окультурил территорию, и кто хочет и кому надо, те пользуются и лодки свои там швартуют и держат, и ребятишки бегают нырять с тех мостков, а тебе все не так!

– Не понимаешь ты, Александра Юрьевна, очевидных вещей, о которых я тебе толкую, – с некой снисходительной значительностью в тоне произнесла соседка. – Не в причале и не в участке том дело. Я о другом тебе говорю. Вот стояла земля пустой несколько лет, а хозяин ее не объявлялся. Где, спрашивается, он был эти годы? – добавляла заговорщицких интонаций в речь обличительница. – Потом дом строился, а его снова никто тут не видывал, хозяйина этого, даже на стройку не приезжал посмотреть, проверить, как полагается, свои пожелания-наказы высказать и после сдачи домища того тоже не приезжал. Где, спрашивается, был? А я тебе отвечу. – И замолчала, выдерживая интригу, с явным удовольствием озвучив свое разоблачение через несколько секунд театральной паузы: – В тюрьме он сидел – вот где. На зоне. Точно-точно, – с горячностью уверила она, отреагировав, видимо, на изобразившую мимикой свое отношение к заявлению собеседницу. – Вот смотрите: приезжает он редко, и как приезжает-то? Как тать какой в ночи крадется. То нету его нету, и машину его здоровущую, странную эту никто не слышал и не видел ни с вечера, ни ночью, а утром глядь: а он уж на участке своем образовался. Значит, что? – излагала женщина доказательства своей теории. – Значит, скрывает. А зачем, спрашивается, честному человеку скрывать? Вот я и говорю: честному человеку незачем. Потом еще один факт. Приезжает всегда один, ни жены, ни детей. Это потому, что у них порядок такой воровской, чтобы у главарей ихних, которые в законе, не имелось семей и детей, не положено им. Я уж знаю про это. И в гости к нему наезжают мужики подозрительные целыми компаниями. И не напиваются в хлам, не бузят, все у них тишком, тайком да своим порядком. Точно сходняк воровской, я вам говорю. У них, у бандитов, с дисциплиной строго и у главара не забалуешь.

– Ты, Степанида Ивановна, – видимо, устав увещевать и призывать к логике, чуть посмеиваясь, произнесла Александра Ивановна, – как американские информационные агентства, умудряешься преподнести любые факты так, как удобно и нравится тебе самой. Ну какой, прости господи, сходняк? Что ты баламутишь попусту? Ну предпочитает человек уединение, может, любит в тишине и спокойствии почитать «перепоем» Канта, Толстого, или Стругацких, или детективы на ночь, – попыталась пошутить тетушка.

Шутка, что называется, не зашла по причине «недоступности» адресата.

– Как-как перечитать? – переспросила Бибиси.

– Перепоем, – отмахнулась с досадой Александра Юрьевна, – не важно. Любит человек одиночество – так понятно? Имеет полное право жить как ему нравится. И есть ли у него жена-семья, нет жены-семьи, это также его личное дело, никого не касающееся. А друзья-приятели к нему приезжают всегда с женами и детьми. Люди отдыхают, жарят шашлыки, ходят в баню, в походы по окрестностям, рыбачат, дети бегают, играют. Уймись ты уже, а то осерчаю не на шутку, – предупредила без нажима, но твердо тетка Александра, смягчив предупреждение

примиряющим замечанием: – Я вон тоже без мужа и детей и появляюсь в поселке редко, меня что, тоже в бандитки запишешь?

– Ну что вы, Александра Юрьевна, такое говорите, вы человек известный, важный, уважаемый всеми, – перепугавшись, заторопилась уверить соседка и поделилась тревогой: – А этот... Один домище его чего стоит, чудной, нерусский какой-то.

– Не чудной, а естественно встроенный в ландшафт участка, не нанося ущерба природе. Экологическое строение, слышала о таком? – с явно слышимой бессильной усталостью в голосе пояснила хозяйка. – Ну дом у него не такой, как у всех, ну один человек предпочитает жить, и что дальше?

– Как что дальше? – вскинулась новой волной обличений Бибиси: – Вы вот, Александра Юрьевна, знаете, как его зовут, соседушку-то нашего? Кто он? Из каких будет? Дом стоит наособицу, в сторонке, подальше от людей и любопытных взглядов, забор такой, что ничего не увидишь, и выходы с участка на озеро да прямо в лес имеются. И поди знай, что там у него творится, куда он шастает. Машина опять-таки эта странная, здоровая, каких отродясь не видывали, я даже в Интернете таких не нашла. Сам людей сторонится, мрачный, угрюмый, ни с кем ни слова ни полслова, ни здрасте вам, ни до свидания. В магазин поселковый даже за хлебом не ходит, чтобы, значит, ни с кем не встречаться, – торжествовала справедливым обличением Бибиси. – Приезжает так, что никто его не видит, не слышит, уезжает таким же тайком. У нас поселок серьезный, у нас здесь все свои да наши, а этот непонятный и точно не наш, не свойский.

– Да кто у тебя свои да наши? – окончательно устав от бесполезности разговора, подрастеряв пыл возмущения, уже несколько вяло возражала хозяйка. – Все сами по себе, за своими заборами, при своих чинах и секретах, как и положено людям с определенным социальным статусом. А Москва, Бирюки и Калинин так и вовсе звездят в полной пустоте, раздуваясь от гонора и разговаривая через губу. На тебя вон Калинин чуть не наехал, не замечая с высоты своего величия, не снисходя до кого-то там образовавшегося на пути его следования. Этот мужик пусть и держится наособицу, так хоть здороваается.

– Это он с вами здороваается, а со всеми остальными лишь кивает снисходительно на дружелюбное, сердечное приветствие соседей, – внесла свою поправку Бибиси и пожаловалась: – И то не со всеми. Со мной вот, например, даже не раскланивается, а хмыкнет эдак коротенько и пошел себе.

– Ну и правильно, – поддержала таинственного соседа Александра Юрьевна, – после того как ты, не получив информации у Аристарха Марковича об этом человеке, явилась к тому на участок и начала выпрашивать, кто он есть такой, откуда взялся, да чем занимается, и про жену-детишек, попеняв, что в городе им непочтительно оставлено семейство, любой поостережется с тобой в разговоры вступать, уж тем более кивать-кланяться.

– А что такого? – возбудилась праведным возмущением соседка. – Я же для всех стараюсь и ему объяснила, что не своего любопытства ради интересуюсь, а вся общественность хочет знать, кто с ними живет по соседству...

– Угу, – перебила пламенный манифест Александра Юрьевна и процитировала, усмехнувшись: – «Не корысти личной ради, а волею пославшей мя жены». И несознательный гражданин не проникся важностью момента и желаниями поселкового сообщества и выставил тебя с участка.

– Вот именно! – воскликнула возмущенно приободренная Бибиси. – Да еще хохотнул эдак издевательски и говорит, – и произнесла, копируя соседа, усиленно издевательским тоном: – «Думаю, общественности придется и дальше обходиться без знания моих анкетных данных». И выставил за калитку. Представляете! Прямо вот так взял под локоть и вывел! «Всего хорошего», – говорит, калитку запер, а сам хохочет, я же слышала. Москва, Бирюки и Калинин, хоть и с презрением ко всем нам с высоты своих деньжищ, но люди известные и

понятные, а этот чужой, неизвестный, темная личность. Вот точно вам говорю: бандюган отъявленный, зэк, криминальный элемент. Вот попомните еще мои слова, как беда какая случится в поселке.

– Ты еще скажи «маньячелло», – хмыкнув, предложила хозяйка.

– Не знаю, челло какое, как вы говорите, или нет, но дело-то серьезное. Надо общественность поднимать, выяснить, с кем мы тут живем, беспрестанно рискуя нашими жизнями.

– Ну пойди, пойди, подними, Степанида Ивановна, – устало напутствовав, отмахнулась Александра Юрьевна, явно давая понять, что аудиенция окончена, гостью она выслушала, как и обещала, и пора бы той двигать дальше, проявлять свою разоблачительную инициативу.

Аня улыбнулась, живо представив себе недовольно-уставшее выражение тетушкиного лица и этот ее характерный жест рукой, которым она отмахивается от всегда раздражавшей ее необычайно откровенной человеческой глупости.

– Так я и чего пришла спросить, Александра Юрьевна, – заторопилась объяснить главную суть своего визита Бибиси, – вы не против?

– Против чего?

– Да вот как раз-таки выяснить, кто этот соседка-то наш непонятный? Что за субъект такой?

– Я-то не против, хотите – выясняйте, – милостиво разрешила Александра Юрьевна.

– То есть вы подпишетесь в документе, если что? – шустренько уточнила Бибиси.

– Нет, – развеселилась вдруг хозяйка. – Меня соседство с этим человеком нисколько не тревожит, я беспрестанного риска своей жизни не испытываю. А те, кому спать не дает его инкогнито, бога ради – подписывайтесь, выясняйте, хоть делегацией ходите к нему требовать и знакомиться. На здоровье.

– Значит, не подпишетесь, – разочарованно вздохнула Бибиси.

Ушлая тетка, затеявая свой визит к влиятельной даме, тайно рассчитывала и надеялась, что Александра Юрьевна поддержит, а в идеале так и вовсе возглавит ее инициативу выяснить личность соседа, ну хотя бы любопытства ради.

Шумно допив чай, вновь громко дзинькнув, Степанида Ивановна поставила чашку на блюдце и показательно разочарованно вздохнула еще разок.

– Ну тогда я пошла, – с явными вопросительными нотками сообщила бабка, ожидая, видимо, что ее остановят, предложив продолжить беседу.

– Иди-иди, Степанида Ивановна, – не оправдав ожиданий докучливой соседки, напутствовала Александра Юрьевна. – Поборись там за справедливость. – И совсем иным, энергичным, деловым тоном громко кликнула помощницу: – Лен! Проводи человека.

Видимо, чтобы гостя не почувствовала слабинку в посыле и не решила еще подзадержаться для обсуждения другой темы «за права общественности», припомнив недосмотр какой поселкового правления – с нее станется, только зазевайся, – заговорит до одури.

Послышались легкие шаги Леночки, которая что-то тихо произнесла и, громко проскрипев ножками стула, отодвинула его от стола.

– Да я сама, сама, Леночка, не утруждайся, деточка, что меня провожать. И калитку запру как положено, – затараторила доброжелательно-елейным голосом Бибиси.

Притаившаяся наверху засадной партизанкой Анна, не удержавшись таки, хмыкнула.

Произошел у них когда-то тут один инцидент, после которого Степанида Ивановна боялась не то что слово сказать так, чтобы был хоть отдаленный намек на непочтение к Лене, а даже недостаточно ласково посмотреть в сторону девушки. Это когда Александра Юрьевна первый раз приехала в поселок вместе с Леной.

Степанида Ивановна тогда первой прибежала в гости, что называется, отметить должным образом, поздравиться, выказать уважение с почтением и готовность к подвигу, если таковой понадобится. Александра Юрьевна пригласила за щедро накрытый стол. И, когда

Леночка поднялась из-за стола и ушла на кухню за посудой для гостии, Бибиси со слезой, накатившей от восхищения и картинного восторга душевными качествами хозяйки, расчувствовалась похвалой:

– Редкий вы человек, Александра Юрьевна, сердечный. Прислугу за свой стол приглашаете, не гнушаетесь.

Не меняя выражения лица, тетушка Александра, которая поднесла в этот момент чашку к губам, сделала пару глотков, медленно поставила чашку на блюдо и произнесла пугающе-тихим, холодным, четким тоном, выделяя каждое слово:

– Если еще раз, Степанида Ивановна, при мне ли или в разговоре с кем-нибудь иным в мое отсутствие ты назовешь Елену прислугой... – и посмотрела прямо в глаза гостии незваной таким взглядом, что ту вмиг прошиб холодный пот, – ...то вылетишь из поселка через полчаса. И долетишь до своего родного Печерска, и приземлишься там не самым мягким образом. – А потом спросила ледяным тоном: – Я доходчиво объяснила?

Бибиси интенсивно закивала головой.

– До-доходчиво, Александра Юрьевна, – и принялась частить как скороговоркой: – Я же не то имела в виду, я не это!.. Что вы, Леночка, она же такая чудесная де...

– Более не задерживаю, Степанида Ивановна, – ледяным тоном оборвала хозяйка.

Бабищу как ветром сдуло. И не напрасно.

Ей было чего опасаться. Еще как! Попасть в немилость к Александре Юрьевне или того еще не чище – вызвать ее гнев и недовольство – не рискнул бы, пожалуй, ни один житель этого достаточно элитного поселочка, в том числе и пресловутые Москва, Бирюки и Калинин. Кстати, во многом... да нет, какое там «во многом» – по большей и главной части благодаря Александре Юрьевне, ее желанию, воле, связям и возможностям этот поселок и был образован и возведен.

Но это отдельная история, скажем так, совсем о другом.

А вот что касается Степаниды Ивановны, то та хоть и жила в поселке постоянно, но жительницей оного не считалась. Хозяином огромного коттеджа замысловатой, вычурной архитектуры, в котором проживала женщина, являлся муж ее племянницы, который, что называется, «выписал» тетку из глуши российской, резонно рассудив про себя, что чем платить какому-нибудь специалисту серьезные деньги, проще «облагодетельствовать» бедную родственницу за еду и небольшое обеспечение, и поселил тетку у себя, наделив полномочиями управляющей, чтобы присматривала за хозяйством, домом и прислугой, согласовав ее проживание с председателем правления, для которого слово Александры Юрьевны было что приказ Родины.

Вот как-то так.

Елена же... «М-м-да», – протянула мысленно, задумавшись, Анна.

Лена появилась в жизни тетушки несколько лет назад и была девушкой загадочной и непонятной, скрывающей какую-то большую и, видимо, непростую тайну своей жизни, в подробности которой совершенно определенно была посвящена тетушка Александра.

На домработницу, хлопотунью-хозяюшку Лена не походила ни в фас, ни в профиль, ни вдоль, ни поперек, ни издалека, ну вот никаким образом, хоть ты что делай. Яркая, интересная, притягательная внешность, настоящая красавица, высокая, стройная. Фигурка обалденная, на зависть всем моделям мира, и при этом, что поразительно, на самом деле великолепная хозяйка, умелица на все руки. И эта ее абсолютная, какая-то безоговорочная преданность и верность Александре Юрьевне, даже не преданность, а скорее посвященность, что ли, лишь добавляли необъяснимых, интригующих черт ее личности.

Девушка не скрывала, а как-то без лишних слов и демонстративного позиционирования, делами, заботой и отношением дала понять близким и родным тетушки, что Александра

Юрьевна для нее единственный и главный человек в жизни, ради которого она готова на многое. На очень многое. Даже, пожалуй, отчаянно на все.

Первое время, когда Аня только познакомилась с помощницей тетки, ее пугала и настораживала эта странная, чрезмерная преданность и привязанность девушки к тетке Александре. Удивляло и напрягало это ее тихое, порой незаметное, но постоянное присутствие в жизни тетки.

Лена взяла на себя абсолютно все бытовые проблемы и вопросы тетки Александры, постоянно находилась рядом с той, даже поселилась по соседству, сняв квартиру в доме поблизости, не брала выходных и отпусков, являлась каждое утро до того, как проснется Александра Юрьевна, и уходила поздним вечером, когда хозяйка ложилась спать. Даже ездила с тетушкой в командировки, когда те длились больше чем пару-тройку дней, чтобы устроить там ее быт наилучшим образом.

И это было как-то очень странно и не совсем нормально для столь яркой, красивой, далеко не глупой, без сомнения, эрудированной, невероятно интересной молодой девушки.

Ну вот странно, хоть вы что говорите!

Да еще эта связывающая женщин тайна будоражила воображение Анны, никак не давая покоя. Но однажды она нарисовала портрет Елены...

– Ну всего вам доброго, Александра Юрьевна, здоровьяца вам. Поправляйтесь, – вернул Анну из задумчивости в действительность елеинно-заискивающий голос Бибиси, которая не смогла удержаться, чтобы не попробовать выяснить хоть что-то, ну хоть какую малую толику информации заполучить для дальнейшего использования. – А что Анечки не видно? Ни вчера, ни сегодня не видала ее. Все работает племяшка ваша?

– Работает, работает, – уверила хозяйка, торопясь отделаться от навязчивой посетительницы.

Бибиси уже была неинтересна Александре Юрьевне и, более того, неприятно навязчива.

– Такая хорошая девушка, – умильным тоном похвалила соседка. – Все трудится и трудится без конца. Передавайте привет Анечке. – И повторила с чувством: – Такая хорошая девушка.

На этот раз тетка Александра даже не соизволила отозваться на прощальную реплику гостьи, ответив той исключительно мимикой.

Аня услышала, как по веранде и четырем ступенькам лестницы, ведущей на дорожку, прозвучали шаги, Бибиси что-то спросила у Лены, та тихо ответила на ходу, провожая, а скорее сопровождая настырную гостью к калитке, чтобы та не отклонилась от указанного маршрута. Эта могла – живущее в Степаниде Ивановне любопытство имело сокрушительные масштабы, частенько вредившие самой их носительнице, толкавшие порой эту бабу на авантюры разного рода: куда-то залезть, что-нибудь подглядеть-подсмотреть, подслушать чей-нибудь разговор, наострив уши-локаторы. А всем в поселке было известно, что слух и зрение у Бибиси исключительные, как и чуйка на скандалы и происшествия разного рода. Беда-а-а.

– Все слышала? – спросила громко у Ани Александра Юрьевна.

– Трудно было бы не услышать, – улыбнулась Анна.

– Нет, ну какова бабища, а? Наглость зашкаливает. Удержу ей нет: все ей расскажи-доложи: кто ты, что ты и «из каких будешь». И эта ее неумная тяга «поднимать ответственность», втягивая людей в клубок своих сплетен. Совсем уже Бибиси распоясалась, – негодовала тетушка. – Укоротить пора.

– Да ладно, что ее укорачивать, – рассмеялась Анна, – человеку прямо саблей вострой по душе рубанули: лишили главного смысла и эликсира жизни: информации. Посагнули на святое. У человека крушение жизненных устоев.

– Эту бомбой не возьмешь, выдержи ее устои, не волнуйся, – уверила ворчливо тетушка и, повысив голос, поинтересовалась недовольно: – Что ты там застряла, «хорошая девушка»? –

процитировав скандальную соседку. – Спускайся уже. Чаю наконец попьем по-человечески. Я Лене велела пирожки-то прибрать, когда это вражеское информангентство объявилось. Эту только угости-прикорми, потом не отвadiшь, зачистит столоваться и изводить своими вбро-сами фейковыми.

– Иду, – усмехнувшись, отозвалась Аня.

Подходя к распахнутым створкам большой стеклянной двери, выходящей на веранду, она слышала, как тетушка нарочито недовольным тоном отдает распоряжения помощнице:

– Лен, в следующий раз, когда она заявится, не пускай, гони в шею. Говори: «Барыня почивают, не велели беспокоить». Достал уже этот Интернет поселковый, – пожаловалась тетушка.

– Хорошо, Александра Юрьевна, – посмеиваясь, пообещала девушка.

– И, Ленусь, давай уже чай нормально накрывай, с пирожками Анютиными, разумеется, – и распорядилась командирским тоном: – Девочки, поторопитесь, все голодные, уже давно полдничать пора. Мне требуется срочно очистить мозг от этой «соцсети» доморощенной общением с умными людьми на интеллектуальные темы, а то у меня несварение образуется после этой бабищи неугомонной.

Пока девушки накрывали на стол, Лена носила из кухни большой фарфоровый чайник, полный кипятка, вазочки с вареньями, блюда с фруктами и сырами и, разумеется, пирожками, Аня расставляла чистую посуду, раскладывала фразе, тетушка проверяла сообщения в телефоне.

Ну все-все, сели. И сразу как-то расслабились все трое. Хорошо как! Красота. Вид с веранды на участок и дальше, на взбирающийся на каменистую возвышенность лес, открывался замечательный, умиротворяющий своей спокойной, сдержанной и таинственной северной красотой.

– Ну, так чем ты там занималась? – спросила тетка у Анны, запивая чайком кусочек пирожка. – Опять работала? – И, придав тону интонации усиленного назидания, попеняла: – Тебя тетка призвала, как дядюшка Онегин племянша Женечку, ухаживать за больной, «не в шутку занемогшей» родственницей, узурпаторшей, тираншей и самодуркой, а не работать, прячась по углам от моего грозного, всевидящего взора.

– Во-первых, ты не больна, а вполне себе уже здорова, – рассмеялась Анна, – а во-вторых, на самом деле я рисовала, так, немного, в удовольствие.

– Ну конечно, – не поверила Александра Юрьевна, – небось, пока тетка не застучала, работала за вышивкой своей втихаря. – И потрясла пальцем, отчитывая: – Сколько можно повторять: у тебя отпуск, и я тебе категорически, прямо вот так, по-нашему, по-узурпаторски, запрещаю работать. – И уже нормальным тоном повторила: – Ань, я настаиваю: необходимо нормально отдыхать. Ну невозможно, просто нельзя пахать так, как ты делаешь: сутками напролет, прямо вся в эту работу погрузилась с головой, и нет ее.

– Да и не сутками, что ты преувеличиваешь, тетушка, – усмехнулась, попытавшись отделаться шуткой, Анна. – Зато «по трудам вашим и воздастся вам». Мне воздастся точно.

– Да-да, – саркастически согласилась тетка, – что тебе там воздастся? – и процитировала: – «Лучше всех в колхозе работала лошадь, но председателем она так и не стала».

– Ну, ладно тебе, – рассмеялась звонко Анна. – Честное слово, не работала. Вот честно рисовала.

– Ну хорошо, поверю, – приняла эту версию тетушка и заинтересованно поинтересовалась: – И что ты там рисовала?

– Предмет вашего горячего обсуждения с соседкой, не пожелавший представиться Степаниде Ивановне, – усмехнулась Аня.

– Да? – оживилась необычайно тетушка. – И что получилось?

– А вот не получилось... – вздохнула разочарованно Аня, задумавшись, разглядывая дно своей чашки.

Александра Юрьевна откинулась на спинку кресла, внимательно рассматривая выражение лица племянницы, и произнесла с удовольствием исследователя, наткнувшегося на непонятное, ошеломляющее явление:

– А вот это интересно. И что именно не получилось, Анют? Или получилось, но не так, как ты представляла? – предположила она.

– Не совсем... – рассеянно ответила Анна, отпила чайку, укусила пирожок. – Вернее, совсем не так, как я представляла, – и посмотрела на тетку, поделившись: – Понимаешь, какой-то другой человек получается, когда начинаю его рисовать, словно проявляется, просвечивает через его облик. Очень похожий, но не совсем чтобы он...

– Очень интересно, – повторила довольно тетушка.

– Да ладно, – выдохнув облегченно, отпустила свои сомнения Анна, – может, это ваша беседа с Бибиси сбила мне настройки. Потом попробую еще раз. А кстати, – встрепенулась она от пришедшей в голову мысли, – Степанида Ивановна не так уж и не права в своих подозрениях.

– Это в каком смысле? – удивилась тетушка Александра.

– Ну хотя бы в том смысле, что на самом деле никто ведь в поселке ничего не знает про этого соседа, – пояснила девушка и, бросив взгляд на тетку, усмехнулась, – кроме тебя, я полагаю, и Аристарха Марковича. Ну, может, кого-то еще из правления.

– Правильно полагаешь, – кивнула довольно тетушка и усмехнулась: – И, как ты понимаешь, Бибиси именно за этим и приходила: выведать у меня про соседа хоть что-то. Она ведь тоже соображает, что я не могу не знать, кто проживает в поселке. Уж не первый раз подкатывает ко мне с разных сторон, пытаюсь что-нибудь разузнать, после того как тот выставил ее за калитку. Сегодня вон общественность придумала.

– А ты ее не информируешь, – посмеялась Анна и вернулась к своим размышлениям. – И все же, пусть ты знаешь его имя-отчество, может, и паспортные данные, понятно, что аноним не может заключить договор и оформлять собственность без личных данных. Но ведь вряд ли тебе известно о его работе и семье, – и посмотрела изучающе на тетку. – Если, конечно, ты специально не уточняла?

– А вот уточняла, – не разочаровала ее тетушка Александра, но интригу потянула, не поспешив расширить свой ответ: доела пирожок с явным наслаждением, допила чай, попросила жестом Леночку налить ей еще, погорячей, и только после этого посмотрела на терпеливо ожидавшую пояснений племянницу. – Еще в самом начале, когда он приобрел этот совершенно не нужный никому пустынный склон над озером.

Тетушка была в поселке в большом авторитете, как вспоминала вот только что, сидя на балконе, об этом обстоятельстве Аня, и слово Александры Юрьевны имело в поселке далеко не последнее значение, если не первое, хотя в управленческую структуру она не входила.

Понятное дело, что ни тетушка Александра, ни председатель их коттеджного поселка Аристарх Маркович, ни правление не проводили супер каких-то там глобальных проверок, с обращением к услугам Федеральной службы безопасности, чтобы выяснить подноготную будущих хозяев земельных участков, но кое-какие справки все-таки наводили всерьез. Хотя бы потому, что поселок их был хоть и не средней руки дачным товариществом и, слава тебе господи, не резервацией олигархической с неменяемыми усадьбами на гектарах земли, но имел статус элитного поселения с высоким имущественным цензом, отсекавшим на определенном этапе людей даже с неплохим, средним достатком.

А чего хотят состоятельные и значимые люди, приобретающие участки и строящие дома на природе, в тиши лесов? Правильно – безопасности и достойных соседей.

Когда поселок только строился, первых покупателей и будущих хозяев домов проверяли достаточно пристрасно, поскольку большая часть приобретателей были областными чиновниками высокого ранга, так что служба безопасности администрации губернатора все-таки немного напрягалась, проверяла кандидатов не из числа своей администрации.

Но после, с годами, когда участки с домами продавались и переходили в руки других владельцев, никто уж столь серьезных проверок не проводил. Да и, по правде сказать, за все время существования поселка продались только пять домовладений с участками, и то два из них родственникам бывших владельцев, которые стали поручителями перед товариществом за своих приобретателей.

Жители, разумеется, менялись, приходили новые члены семей, уходили прежние, кто женился-разводился, кто рождался, кто умирал, передавались права собственности, но устав товарищества, имевший жесткие пункты в договоре о правилах проживания и законах, установленных в поселке, никто злостно не нарушал. И, по большому счету, все и на самом деле знали друг друга, поскольку основной чиновничий костяк первых поселенцев остался неизменным.

Наверное, где-то через год после начала строительства и освоения территории, когда все участки уже распределили и купить что-то было невозможно, появился тот самый загадочный сосед, который изъявил желание приобрести бросовый кусок земли над озером.

Правление во главе с председателем, предварительно спросив Александру Юрьевну, наскоро посоветовавшись, с большим душевным энтузиазмом и продали ему этот скалистый спуск к воде, поскольку по уставу поселения облагораживать свой участок обязан каждый владелец самостоятельно, а у правления, таким образом, сама собой отпадала необходимость как-то обустраивать этот неприступный каменный откос. Но, к чести руководства, надо отметить, что продали они этот участок с очень большой скидкой, чуть ли не в три раза от номинала.

– Ну ладно, не томи! – не выдержала Аня.

– Зовут его Антон Валерьевич Северов, – усмехнувшись, ответила тетушка. – Я сейчас уже не помню точно, но, кажется, ему лет сорок пять, может, сорок восемь. Не важно, – махнула она рукой.

– Наверняка какой-нибудь бизнесмен, – выдвинула предположение Лена.

– А может, Бибиси права? – призадумавшись, размышляла Анна. – Он вполне может оказаться и криминальным элементом. Сидельцем каким-нибудь. Все они на поверку официальную порядочные бизнесмены с легальным бизнесом оказываются. На маньячелло он, конечно, не похож. Зато на эдакого «крестного отца», удалившегося от дел, похож даже очень.

– Это в тебе девичий романтический интерес бродит, – остудила фантазии впечатлительной племянницы тетушка, усмехнувшись. – Не выветрился пока. Как известно, хороших, порядочных девочек всегда неодолимо притягивают плохие, порочные мальчики.

– Да ну тебя, – легко рассмеялась Анна.

– Или монтекристы заштатные, – продолжила свою мысль тетушка, явно наслаждаясь моментом и этой легкой пикировкой.

– Нет, ну все же, – развивала свою мысль и настаивала племянница. – Вот смотрите, – принялась приводить она аргументы, – ведь на самом деле нелюдимый мужчина, угрюмый такой, хмуроватый персонаж, держится ото всех подальше, людей к себе не подпускает, ограничиваясь минимальным кивком, если встречается с кем-то из поселка. К себе не приглашает, сам никому не навязывается. И потом, участок у него и на самом деле огромный, в валунах и каменных глыбах. Дом он классный построил, очень интересный, я с пригорка рассматривала с разных сторон, даже наброски делала, замечательный, какой-то прямо загадочный дом. Да и участок он облагородил и что-то там на нем все-таки посадил. Вообще-то красиво получилось, брутально, сурово, но красиво. И ведь права Бибиси, выход с его участка и к озеру, и прямо в лес имеется, кроме главного входа. И появляется он в поселке самым загадочным

образом, прямо «Летучий голландец» какой-то: никто не слышал его машины, никто не видел, как и когда он приехал, да только вечером человека не было, а утром – раз, и на участке фонари горят, дым из трубы и хозяин мелькает. Да и само строительство, – и она обратилась к тетушке, – ведь действительно он строителей местных не нанимал, но ведь кто-то же дом этот строил, причем эти люди минимально общались с местным населением и никакой информации ни про себя, ни про хозяина не выдавали, как ни подкатывали к ним с расспросами любопытные. И то, что его не бывает длительные периоды времени, тоже правда, стоит себе дом, пустует. Ведь подозрительно же, а?

– М-м-да, – протянула тетушка, покачав безнадежно головой. – Эк тебя пробрало-то. Вроде взрослая совсем девица, уж и не девица даже, а женщина в возрасте, а все детский сад, что значит – человек искусства, романтизм неистребимый и буйная фантазия. – И, вздохнув, остудила все интригующие предположения племянницы: – Насколько я помню, а помню я хорошо, – усмехнулась тетушка Александра, – Антон Валерьевич – военный инженер, служит в инженерных войсках какого-то там особого подразделения, то есть наверняка строит он засекреченные военные объекты, поэтому и пребывает в длительных служебных командировках, ибо строят они в основном на Севере и за полярным кругом. Это во-первых. А во-вторых, скорее всего, его дом возводили солдатики, переодетые в гражданку, чистой воды использование служебного положения, а это, как ты понимаешь, не афишируется, а тщательно скрывается, поэтому и помалкивали служивые. А что касается его машины, то это военный агрегат, малый разведывательный автомобиль-вездеход, насколько я помню, имеющий особые характеристики, в том числе практически неслышную работу движка на малых оборотах. В массовое производство они не пошли, что-то там в них не доработано оказалось. Видимо, Антон Валерьевич приобрел в личное пользование списанный автомобиль, довел его до ума, переделав под гражданские нужды и проведя соответствующий тюнинг. Насчет семьи-детей не скажу, – глядя на разочарованное выражение лица племянницы, откровенно веселясь, развела тетушка руками. – Не знаю, не интересовалась.

– Бедная Бибиси, – помолчав, переварив информацию, посочувствовала местной сплетнице Анна, – такая версия рухнула, – и вздохнула сочувствующе, – и общественность не поднимется против военного-то инженера.

На пару секунд над столом воцарилось молчание, которое безжалостно разбилось громким, дружным смехом троих женщин.

– Нет, ну надо... – хохотала тетка, – ...«крестный отец в отставке»! – цитировала она Анну.

– Ма-ма... – подхватывала племянница – ...маньячелло на природе...

– Кри-криминал... – вытирала смешливую слезу Лена, – на неслышной, страшной машине. С ночи не было, а утром – раз, и образовался!

И они хохотали, вспоминая Бибиси с ее подозрениями и Анютины предположения одно другого краше и загадочней, пока приступ смеха не остановил прозвучавший звонок тетушкиного смартфона.

– Ладно, – посмотрела на экран телефона Александра Юрьевна и, досмеиваясь, стирая выступившую слезинку, отослала девиц: – Идите уже, мне поговорить надо.

Лена принялась убирать со стола, махнув рукой Анне, что, мол, сама справится, и та, поднявшись на второй этаж, забрала с балкона этюдник с прикрепленным к нему портретом соседа, так взбудоражившего воображение Степаниды Ивановны и самой Анны. Ушла в комнату, чтобы не прислушиваться невольно к теткинскому голосу, и, сев в кресло, принялась пристально изучать свой рисунок.

«Что же в тебе не так? Почему ты не получился? Точнее, почему получился именно таким?»

С самого раннего детства Анна обладала феноменальной, так называемой фотографической памятью на лица, и не только на них – на заинтересовавшие ее предметы, вещи, увиденную природную картинку, чем-то зацепившую внимание или очаровавшую девочку. Способность эта только развивалась и крепла по мере взросления и становления Ани.

А после того как она, будучи подростком, пережила тяжелую, страшную для себя потерю близкого человека, у нее внезапно открылось пугающее и странное художественное дарование, можно сказать, сверхспособность, что ли.

Аня и до этого могла по памяти нарисовать портрет любого человека, если он интересовал ее. Но этот не то дар, не то проклятье обострил ее интуицию, многократно усилив внутреннее художественное видение, чутье, которое вдруг стало более глубоким, мощным, позволявшим ей тонко чувствовать скрытую природу вещей, людей, как бы видеть мысленным взором настоящую, истинную сущность, душу объекта и переносить ее на холст.

Поначалу это происходило совершенно произвольно, спонтанно, не подчиняясь ее воле и желанию. Анна садилась над чистым холстом или в большинстве случаев листом рисовальной бумаги, закрывала глаза, представляя себе человека, и ее словно накрывало каким-то коконом, погружая в особое состояние сознания, в котором она изображала то, что видела внутренним взором.

Боль, страх, мучительность жизни, тайные страсти и порочные желания – все открывалось в людях на ее портретах, и было это завораживающе мощно, истинно, прекрасно и пугающе правдиво.

Каждый одаренный художник должен чувствовать истинную природу вещей и передавать ее в своем творчестве, если он, конечно, талантливый художник, а не маляр, но чтобы так... Это все-таки перебор.

Далеко не каждому понравится узреть свою истинную сущность, свои глубокие скрытые переживания.

Но Анна могла нарисовать прекрасную искусную работу и не прибегая к своей уникальной способности. Более того, с годами она научилась управлять своим даром и входить в измененное состояние, когда этого хотела. Но старалась обращаться к нему как можно реже, только если ей самой хотелось и требовалось понять истинную сущность человека или ее об этом просил сам заказчик.

Честно говоря, Анна нечасто обращалась к своей способности, когда работала над портретами, зато с удовольствием погружалась в нее, в то особое состояние измененного сознания, когда изображала городские или природные пейзажи, красивые уголки природы, и получалось потрясающе, даже вон дом того самого «Летучего голландца», так притягивавший ее своей необычностью, подсеченный ее даром, стал и вовсе волшебным. Все приобретало наполненность смыслом, словно проявлялась сама суть домов, улиц, природных уголков, какая-то недосказанная ими тайна, сила или слабость этого места. Не объяснить. Жалко, что рисовать ей приходится не так часто, как хотелось бы.

«Ладно», – отложила Анна портрет в сторону и, задумавшись, засмотрелась в окно. Удивительно, но почему сквозь лицо этого мужчины проступает лик другого человека? Очень похожего, но другого: молодого, легкого, бесшабашного.

Другой облик, другая личность, другая жизнь. Очень странно.

Да и ладно, бог с ним, что гадать, оборвала свои размышления Анна, возвращаясь из рассеянного состояния созерцания в реальный мир. Прислушалась к голосу тетушки, все так же продолжавшей разговор с кем-то по телефону, и подумала – а не съездить ли на залив?

Сегодня она нарушила свой как-то сам собой установившийся порядок дня, увлекшись с самого раннего утра портретом таинственного угрюмого соседа, «Летучего голландца». А что, ему подходит аналогия – он как призрак: появился – исчез. Молча, пугающе необъяснимо...

Ну что такое – снова куда-то мысли усакали. Так, про залив.

Ане редко удавалось вырваться в загородный дом тетки, потому что, как ни крути, а права Александра Юрьевна: слишком уж много она работает, бесконечно влюбленная и увлеченная своим делом, и когда погружалась в очередной проект со всеми мыслями, эмоциями, настройками, не могла остановиться, пока не заканчивала, настолько завораживалась и жила им. Да и домашних дел хватало, и Ромка...

Словом, редко получалось вырваться на день-два, а уж так, как нынче, аж на три недели безмятежности и чистого отдыха, так это, пожалуй, первый раз за все время существования поселка.

Да-а-а, поселок.

Сказочная, неповторимо прекрасная северная природа Приладожья, два с половиной – три часа быстрой езды от Питера на машине, а словно в другой мир попадаешь, в параллельное, удивительное, волшебное пространство.

Поселение раскинулось на берегу большого глубокого озера, тянувшегося километров на пять вдаль расширяющимся клином, на образовавшейся приличного размера, можно сказать, котловине, приподнятой над озером метров на пять и окруженной сродни дну огромной чаши скальными выступами и горками, поросшими лесом, взбиравшимся по ним от самого озера. Слева, на севере, метров на семьдесят – каменная горушка, поросшая соснами, справа холм пониже.

С третьей стороны – возвышенность, через которую переваливала единственная дорога, ведущая в поселок, была самой незначительной, а от дороги, вдоль которой, как почетный караул, стройными ровными рядами стояли матерые сосны, в обе стороны простирался густой лесной массив, что окружал котловину с поселком на нем на многие километры.

Красота, непередаваемая словами, – величественная, мощная северная красота. У Анны каждый раз, как она приезжает сюда, дух захватывало и руки сами собой непроизвольно тянулись нарисовать, запечатлеть, ухватив моменты разного освещения дня, вечера, утра, передать эту красоту.

Когда поселок только проектировался, обсуждали несколько вариантов его названия, и все как один пышные, с претензией на вычурность и роскошь: например, всерьез рассматривалось «Парадиз» в разных вариациях. Но Александра Юрьевна, иронично посмеиваясь, остудила пафосный порыв проектировщиков:

– Вы еще «Райский рай» назовите. Чай, не «Бурдж-Калиф» возводите, а поселок посреди леса, вот и нечего пафосом трясти. Надо что-то простое и незатейливое, чтобы лишнего внимания не привлекать и не дразнить большого любопытства граждан. Что-нибудь типа «У озера» или еще как. В простоте, в простоте, ребята.

Проектировщики, стушевавшись, почесали свои умные головы и, не мудрствуя лукаво, присвоили поселку название «Озерное». Простенько и без затейливых претензий.

Как любого городского жителя, природа всегда завораживала и немного пугала Аню, но это место действовало на нее совершенно по-особенному, вызывая удивительное тонкое чувство не то единения, не то... она будто воспринимала своим внутренним слышанием, чутьем природу этого места, сливалась с ним, порой словно растворяясь душой в этой чистой, сдержанной, суровой природной красоте...

Да что она сегодня все в грезах непонятных, размышлениях-фантазиях пустых и мыслях расплывающихся, одернула себя уж который раз за утро Аня. Настроение, что ли, такое, какая-то она рассеянна-задумчивая. Может, давление в природе скачет как-то по-особенному, как там оно у нее скачет, чтобы сказываться на самочувствии людей? Тетка Александра частенько это природное давление поминает недобрый словцом в паре с магнитными бурями.

«Да какое, боже ты мой, давление и самочувствие?» – разозлилась окончательно Аня на себя, очередной раз обрывая непонятно как заползшие в разум мысли.

Все у нее в порядке с самочувствием!

– А все потому, что привычный режим нарушаем, – произнесла вслух недовольно Аня.

Степанида Ивановна не совсем уж полную напраслину наводила, когда упоминала спуск к озеру, якобы захваченный недружелюбным соседом. На самом деле его участок находился на склоне, с перепадом высоты метров в пять, который плавно спускался к берегу озера, именно в этом месте подступавшего к самому поселку. Но этот берег был до того неудобным, а местами так и просто опасно крутым, загроможденным валунами, что подступиться к воде отсюда представлялось проблематичным.

Поэтому жители обустроили основной большой причал, у которого швартовались все лодки и катерки, чуть в стороне от поселка, метрах в трехстах по левому берегу, но там сразу от уреза воды начиналась глубина – для лодок и рыбаков самое то, а вот для купания не подходило совершенно. Поэтому для плавания облюбовали и окультурили дальше по северному берегу достаточно протяженный участок ровного пляжа с природным песочком, неглубоким входом в воду, окруженный соснами со всех сторон, ну чисто Рижское взморье, правда, идти до него приходилось километра два. Зато красота какая! За что, видимо, местные в шутку и прозвали этот пляж Северным Майами, буквально сразу сократив название просто до Майами. Ну а что – их поселок как хотят, так и называют.

На второй, что ли, день приезда... Да, на второй, Анна уговорила тетушку и Лену отправиться на этот самый «курортный» пляж погреться на солнышке, поплавать. С первым пунктом – будьте любезны и сколько хотите, хоть зажарьтесь загораючи, а вот со вторым получился полный облом. Вода в озере была чистейшая, прозрачайшая – дно просматривалось до самого маленького камушка и шустрого малька между ними – и... жутко холодная, поскольку глубина начиналась сразу, метрах в двух от берега, а само озеро подпитывалось родниковыми водами.

Аня и так-то была не пловчиха даже намеком: ну могла держаться на воде, по-собачьи перебирая ногами-руками, без особого энтузиазма и рвения, а воду холодную не любила категорически. Однажды в детстве, когда они гостили на даче бабушкиных с дедом друзей, прыгнула следом за местными мальчишками в холодную речку, так потом две недели болела. Как-то не получилось у них дружбы с водным закаливанием.

А в этом озере вода даже в самое засушливое лето, в самые жаркие, шпарящие солнцем деньки не нагревалась выше семнадцати градусов. Нет, любители окунуться находились, но так, скорее ради экзотики и закаливания не то тела, не то силы воли, но таких было мало, ведь у многих жителей имелись свои личные бассейны на участках, в основном крытые.

И, как ни печально, но Анна вынуждена была с прискорбием признать, что ее курортствование на водах, пожалуй, закончено на пробном этапе этой привлекательной затеи, поскольку загорание, увы, тоже совершенно не ее тема. У Ани очень белая и чувствительная к солнечным лучам кожа. Она и на море-то, на которое старалась вывозить каждый год Ромочку, на пляже всегда сидела под навесом, предусмотрительно одевшись во что-нибудь легкое, но с длинными рукавами. Ну и широкополая шляпа, очки обязательно.

Но в этот приезд с подачи тетушкой замечательной идеи питерская барышня решила, что, раз с плаванием не заладилось, будет она оздоравливаться посредством приобщения к спорту и фитотерапии, то бишь дышать полезными фитонцидами. А где водятся полезные-то эти самые фитонциды? Правильно – в хвойном лесном массиве.

А вот хвойного леса у нас здесь завались – на километры вокруг поселка простирается. Дикие места вообще-то. Хоженные, но дикие.

Когда Александра Юрьевна выбирала для себя участок, она руководствовалась простыми, но важными требованиями: тишина-покой, никакой суеты, поменьше соседей, прекрасный, чистый воздух и великолепные виды на гору, лес и озеро. Посему ее участок и расположился последним от въезда и первым от озера, на правой, южной стороне поселка, на крайней

из улиц, рядом с подножием скалистой горушки, поросшей соснами и елями, отделенной от заборов грунтовой колеи.

Чуть позже появился участок того самого загадочного соседа Антона Валерьевича, как бы впереди, но левее, несколько в стороне, и вида-обзора на озеро Александре Юрьевне на загораживал.

Это так, про расположение и планировку, вид, так сказать, сверху.

Решив дышать правильным воздухом, очищая легкие от питерского смога и сырости, Аня с помощью Лены достала из дальнего закутка в кладовке вполне себе рабочий горный велосипед, который когда-то привезла тетушка в надежде раскатывать по лесам, поддерживая правильный образ жизни, диктующий внедрение спорта в массы. С массами, осваивающими спортивные навыки, как выяснила тетушка Александра методом проб, ей оказалось не по пути, по крайней мере в велоспорте, и агрегат отправился пылиться в дальний закуток, чтобы не мозолить глаза немым укором.

Водитель соседа, чей дом находился рядом с тетушкиным, подкачал шины спортивного инвентаря, отрегулировал сиденье, смазал цепи, произвел профилактику, где требовалось. И на четвертый день своего внезапного отпуска Анна почти торжественно выехала на железном коне через заднюю калитку на грунтовую дорогу, провожаемая и напутствуемая тетушкой Александрой и Леной, твердо заявившими, что верят в ее спортивное будущее.

Метрах в ста пятидесяти от грунтовки, дабы не раздражать своим урбанистическим видом обзирающих пейзажи жителей, нарушая естественную красоту природы, среди сосен тянулся решетчатый трехметровый антивандальный зеленый забор, взбираясь на естественные преграды в виде разбросанных по лесу валунов, поднимающиеся скальные выходы, и спускаясь с них, надежно обхватывая Озерное с двух сторон от поста охраны на въезде и до самого озера. Имелись в этом обманчиво-воздушном сооружении и калитки с электронными замками, ведущие в лес за территорию поселка.

Одна из таких ближайших калиток, к которой и направлялась Анна, располагалась на хорошо протоптанной тропе, сворачивавшей с грунтовки, метрах в ста от дома тетушки Александры, которая, петляя между валунами, довольно полого взбиралась импровизированным «серпантином», если, конечно, можно было назвать таковым эти метания вокруг базальтовых глыб. Вот на эту самую тропу и свернула Анна.

Первый раз она катила все же с некой опаской и настороженностью в разведывательную, так сказать, пробную поездку: приспособиться к езде как таковой, проверить свои силы, опробовать агрегат на неровных лесных тропинках.

Но, как ни странно, если не считать подъема, на котором ей пришлось даже спешиться и вести велик, что называется, «в поводу», она практически сразу приновилась к ритму езды, да и велосипед показывал себя самым наилучшим образом, мягко преодолевая неровности ландшафта. Ей даже понравилось.

После верхней точки скалы начинался плавный спуск, и где-то метров через триста-четырееста тропинка делилась надвое: одна, основная, так и тянулась вперед, а вторая, менее нахоженная, отворачивала влево. Аня поехала дальше по главной, натоптанной.

Приблизительно через пятьсот метров, может, чуть больше, от основной тропы отходила еще одна небольшая тропка влево, и где-то через километр, практически перпендикулярно движению, снова влево уходила совсем уж еле заметная, почти заросшая тропочка, а все та же главная начинала загибаться, уходя вправо по большой дуге.

Не меняя своего решения, Анна поехала дальше по основной, уходя вправо. Но вскоре как-то резко и сразу почувствовала, что ноги устали, руки, спина, видимо от непривычного напряжения, тоже, и Аня, развернув велик, покатила обратно, так и не разведав, куда же ведет тропа.

На следующее утро проснулась почему-то рано-рано, вышла на балкон, вдохнула полной грудью и замерла, захваченная увиденным, – только начинало светать, и тишина стояла нереальная, воздух звенел от прохладной, прозрачной чистоты, а природа словно замерла, затаила дыхание в ожидании чуда рождения нового дня.

И так вдруг Анюте захотелось в эту минуту, в это неповторимое мгновение обновления природы, солнечного торжества оказаться в лесу, подышать этим воздухом там, среди сосен и редких елочек. И, чтобы долго не размышлять и не передумать, она торопливо оделась, прихватила бутылку воды, тихонько вывела велик из гаража и, выйдя через заднюю калитку, отправилась в поездку по вчерашнему маршруту.

И, хоть ноги немного постанывали от непривычной нагрузки, на этот раз она проехала гораздо дальше и даже подъем преодолела не пешком, а на велосипеде. И покатила вперед – ехала и ехала себе неторопливо, поглядывая по сторонам, вдыхая полной грудью смолистый душистый воздух, пока неожиданно перед ней не расступились высокие деревья и она не оказалась на самой высокой точке над косогором, а перед ней открылась небольшая полянка, поросшая низкорослыми кривыми деревьями и кустарниками среди камней, косогором спускавшаяся к еще одному озеру.

Озеро было не такое большое, как у поселка, оно вытянулось почти правильным овалом, посверкивая среди надолбов и валунов, нагроможденных на мелководье прибрежной полосы, за которыми практически от самого уреза воды поднимался по покатою скальной возвышенности величественный лес-богатый, вставший ровными корабельными соснами как призрачными воинами.

От нахлынувших, захвативших эмоций, вызванных этой великолепной картиной, Анюта даже дыхание затаила, переживая момент глубокого душевного потрясения, до слезы прямо, вот как расчувствовалась.

Постояла так, постояла, созерцая, вбирая в себя красоту, и выдохнула.

Осмотрелась повнимательней и заметила, что тропинка, по которой она ехала, здесь и заканчивается, а немного правее есть удобный спуск к воде – тропинка не тропинка, скорее обозначенное направление, ведущее к совсем небольшому пятачку, метра три длиной, ограниченному с двух сторон большими валунами, выступавшими из воды, словно закаменевшими охранниками, вставшими на караул по бокам ровного бережка, чуть присыпанного песочком.

Пошла к приглянувшемуся местечку, придерживая ретивый велик, норовивший убежать под горку, пристроила его у одного из валунов, присела и поплескала рукой в воде, просто так, от удовольствия и ощущения душевной радости какой-то, и подивилась – теплая! Не парное молоко, но и не пятнадцать градусов!

– А вот интересно, если... – подумалось внезапно открывшей в себе любознательность юного натуралиста Анне. И, быстренько скинув спортивные тапки, стянув носки, сначала робко попробовав пальцами ног и ступней водичку, удивившись еще разок, смело вошла в озеро аж по щиколотку.

Нет, ну надо же, теплая вода-то!

И тут Аню посетил мысль посмелей предыдущей.

Поозиравшись по сторонам, прислушавшись к тишине на предмет «не пылит ли дорога, не идет ли оккупант» в лице местных туристов, намеревающихся помешать ее смелым планам, и не выявив таковых, Анюта быстренько принялась раздеваться. Понятное дело, купальник с собой она не прихватила, кто ж знал, что такая удивительная возможность подвернется, но и так сойдет, даже интересней.

Не загоняясь более глупостями и сомнениями, поеживаясь от холодного утреннего ветерка, Аня разделась и сиганула с разбегу в теплую водицу нагишом.

И задохнулась... Про теплую это она, пожалуй, всплыла на радостях... Вообще-то градусов двадцать, не больше. Не Карибы, прямо скажем, и не Черное море в разгар сезона, но постепенно привыкаешь к температуре, и хоть бодрит, но очень даже ничего.

Она поплыла вперед и только тогда поняла природу удивительной теплоты воды, обнаружив на дне нагромождение каменных валунов, тянущихся словно изгиб огромной подковы, кое-где выступавших над поверхностью, отделяя таким образом небольшой заливчик от основного озера некой естественной преградой. А поскольку образованный затон был мелководен, поэтому и прогревался под солнышком намного больше, чем остальная вода.

Ради эксперимента Анна даже рискнула заплывать за «ограждения», выйти, так сказать, на стратегические водные просторы. И быстренько вернулась назад – да ну на фиг, холодно там! Не понравились ей стратегические просторы.

Побултыхавшись на мелководье в свое удовольствие минут пятнадцать, она выбралась на берег, спешно обтерлась хлопковым худи, оделась и вскоре уже катила по тропинке назад в поселок, вполне собой и жизнью довольная, испытывая легкий, честно заслуженный физическими нагрузками голод.

За завтраком в самых восторженных тонах, помогая себе восклицаниями и неудержимой жестикуляцией, рассказала тетушке и Лене о своем географическом открытии, выслушала историю края и места, на котором возник поселок, и того самого озера от Александры Юрьевны, поставила тетушку в известность, что намерена ездить туда регулярно.

Не то пугала родственницу любимую, не то себя уговаривала.

Но, как ни удивительно, с того дня Анна, любившая во всем упорядоченность и планирование, взяла за правило ездить на дальнейшее озеро каждое раннее утро, плавать нагишом и неторопливо возвращаться обратно, получая от этих занятий колоссальное, редкое удовольствие и заряд бодрости на весь день.

А сегодня вот не получилось – утро сложилось как-то разбрызганно непланово. Честно признаться, вчера она засиделась за работой. В абсолютной ночной тишине так хорошо работалось, да и шугануть ее некому было: привыкшие здесь рано ложиться и рано вставать тетушка с Леной давно уж мирно почивали, как и положено людям на дачном отдыхе. Поэтому утро раннее Аня проспала самым безмятежным образом, а после завтрака увлеклась неожиданно портретом загадочного соседа, а потом явилась Бибиси...

Но ведь никто не мешает ей отправиться на озеро прямо сейчас.

Скорее всего, благодати плавания голышом не получится, все-таки день-деньской и вполне могут найтись любители посетить тот чудесный уголок природы, не зря же к нему такая проторенная дорожка ведет. Да и она вот уж два утра не купалась голой по некоторым объективным причинам.

Аня надела купальник, спортивный костюм сверху, сунула в небольшой рюкзачок полотенце, квадрат тонкого поролона для сидения на земле, бельишко на смену, а еще альбом для рисования и несколько карандашей в специальном чехольчике, спустилась вниз, прихватила бутылку воды, крикнула тетушке, предупредив об отъезде, и отправилась в гараж за великом.

Она медленно катила по тропинке через лес, любуясь стоявшими величественно соснами, выраставшими как будто из каменных валунов, демонстрируя поражающую силу жизни, стремление всего живого на Земле пробиться, тянуться вверх, к солнечному свету. Катилась и размышляла о том, что имеется теперь у нее маленький секрет от тетушки. Нет, секрет-то сам по себе большой, но по секретной сути маленький.

Каждая порядочная, уважающая себя девушка просто обязана иметь маленькие секретики от тетушки. По-хорошему оно, конечно, полагалось бы иметь таковые от матушки, но мать Анны была фигурой скорее умозрительной, где-то даже мифической, поэтому секретники она утаивала от тетки Александры, человека близкого, родного и реально присутствующего в ее жизни.

Итак, секрет. И заключался он в том, что однажды...

А точнее, два дня назад, позавчера, как у нее повелось, ранним рассветным утром неспешно, в удовольствие, в меланхолично-расслабленном настроении прокатившись по привычному маршруту, Анюта, уже почти выехав из-под высоких сосен на возвышенность перед полянкой, внезапно резко тормознув, буквально слетела с велосипеда и, перехватив тот за руль, неосознанно отшатнулась назад на несколько шагов.

На берегу озера, на песчаном пятачке пляжика, который она уже считала своим, практически личным пространством, стоял неизвестный мужчина. Первой неосознанной реакцией девушки, заметившей незнакомца, был естественный испуг, отчего Анна и шуганулась назад, под прикрытие деревьев.

Ну а кто не испугался бы на ее месте – выезжаете вы вся такая себе на релаксе, близком к медитативному состоянию – природа-погода, белочки-птички, ранний рассвет, тишина, расслабуха полная, – и вдруг бац – незнакомец, поджидающий вас в вашем укромном, тихом месте.

Ладно, что облом случился с планами-ожиданиями, бог бы с ними, но страшновато же. А вдруг это лихой какой человек, да не один, а где-то недалеко его товарищи в палатке досыпают, присоединятся чуть позже? А?

Когда пугаешься, разные страшилки в голову лезут, а уж с Аниной-то фантазией и воображением целый сериал криминальный перед глазами промелькнул. Все четырнадцать серий с ужасной трагической судьбой наивной, доверчивой героини. В один миг.

Но хоть и далековато было, присмотревшись повнимательней к незнакомцу, Анюта с удивлением обнаружила, что это тот самый загадочный сосед, которого она называла Летучим голландцем.

Такой таинственный человек, о котором с удовольствием судачили поселковые дамы, обсуждая с жарким любопытством за чайком на своих верандах непонятного соседа, что объявлялся редко и каким-то необъяснимым образом – общественный транспорт до самого «Озерного» не ходит, лишь до поселка в пяти километрах от него, и такси, достаточно редкое явление, все в основном на своих машинах добираются. Но никто не слышит и не видит, как приезжает машина этого соседа. Загадка.

Вот и в этот раз он образовался на своем участке таким же таинственным образом – тихо и незаметно – дня три назад. Анна видела его пару раз издалека, а один раз совсем близко, когда ходила на этот его знаменитый причал, думала порисовать открывающиеся с него виды да и набросать эскиз его дома с этого ракурса. И неожиданно столкнулась с самим хозяином, в момент, когда она вышла на причал, выбиравшимся из лодки, по всей видимости, вернувшись с рыбалки.

Мужик казался совершенно мрачным и подозрительным из-за отросшей двухдневной щетины на щеках и недовольного выражения лица – то ли рыбалка не удалась, то ли присутствие девицы, разгуливающей на его причале, раздражило. Зыркнул на Анюту недобрым цепким взглядом из-под бровей, изобразил что-то вроде короткого кивка, видимо должного означать приветствие такое своеобразное, обошел замершую перепуганную девушку и протопал по доскам мостков на свой участок.

А Аня смотрела ему вслед и думала: какой угрюмый, неприветливый мужчина и определенно опасный, странный какой-то человек... и ужасно притягательный. По совершенно необъяснимой ей причине Анюта испытывала какую-то прямо внутреннюю потребность и неприсущее ей любопытство, пробуждающее желание понять этого человека, понять природу его нелюдимости и суровости – это у него просто характер такой недружелюбный или за этой холодной отстраненностью скрывается какая-то тайна.

А тут вдруг раз – и вот он на ее поляне, у ее затончика, стоит, созерцает водную гладь озера. Бороться с тем самым необъяснимым приступом любопытства Анюта не стала, да и с

чего бы над собой измываться подобным образом. И, пристроив за деревом «железного коня», согнувшись в три погибели, мелко перебирая ногами, скрытно потрусила от низкого деревца к каменной глыбе, от нее до другого, а от него к кустам, подбираясь поближе к заливчику, чтобы, оставаясь незамеченной, рассмотреть получше соседа из засады.

А посмотреть было на что. Вот честное слово, было на что посмотреть определенно, и это зрелище вполне стоило того, чтобы, неприлично отклячивая зад, почти на коленках ползать между камнями и деревьями.

Не приглашенная на «представление», Анна неожиданно оказалась на сеансе легкого мужского стриптиза – сняв и бросив на валун куртку, мужчина скинул обувь, расстегнул ремень и решительными четкими движениями принялся снимать с себя какие-то необыкновенные спортивные штаны, ну такие, которые со множеством функциональных карманов, но при этом не сковывают движений, в них спокойно даже на шпагат можно садиться, крутые штаны, Ромка у нее постоянно такие кланчит. Чисто по-мужски, натянув на локоть, «голландец» сдернул одним рывком с торса футболку и остался в плавках, очевидно намереваясь войти в воду.

А Анна засмотрелась даже не столько по-женски, хотя, конечно, очень даже по-женски, но и завороженно, как художник, любуясь великолепием такой натуры, а сердечко-то застучало, она от эмоций даже рот чуть приоткрыла...

Рассветное солнце, показавшись из-за леса, подсветило великолепное тело вошедшего в уже достаточно зрелый возраст мужчины, мышцы, сформированные явно не в качалке, а многолетними тренировками, использовались их носителем по назначению, а не красоты ради. Они скорее походили на защиту, на жесткий каркас, оплетающий жилами скелет, перекачиваясь при каждом движении.

Он подошел к воде, постоял у самого ее края, о чем-то задумавшись, внезапно резко развернулся и посмотрел прямо на Анну. Вернее, на тот куст, за которым та старательно пряталась, сидя на корточках и от этого пристального взгляда непроизвольно тут же распластавшись на животе.

Стоял и выжидательно смотрел. Аняте показалось, что он смотрит прямо ей в глаза. Ее окатило как кипятком от испуга, потом сразу же резко стало холодно, а сердце все тарабанило и тарабанило, уже непонятно по каким причинам.

Он же никак не может ее видеть! Она достаточно далеко и не шумела совсем, тихо перебиралась от дерева к валунам и кустам, а сейчас так и вовсе лежит и не дышит. Или может?

– Выходите, – произнес мужчина спокойным уверенным голосом просьбу-приказ, – что вы там прячетесь?

Аня икнула с перепугу и приглашение проигнорировала.

– Не пугайтесь, я вполне мирный гражданин и на девушек не нападаю, – усмехнулся мужчина.

– А не на девушек? – пискнула из-за куста Анята, сообразив, что напрочь рассекречена, вон он даже знает, что за ним девушка подсматривает.

– По обстоятельствам, – снова усмехнулся он.

Безнадежно вздохнув, Анна, подтянув колени, поднялась на ноги, отряхивая с ладоней и спортивных брючек налипшие частички земли вперемешку с песком.

– Здравсте, – кивнула она неуверенно и пошла к нему.

А он вдруг взял и улыбнулся.

Открыто так, весело – дивное дело! Сегодня он был чисто выбрит и смотрел на девушку веселым, приветливым взглядом, явно потешаясь над сложившейся ситуацией. И оказалось, что он совсем не такой уж угрюмый и мрачный, и гораздо моложе, чем Анне представлялось раньше, и вполне себе интересный мужчина.

Нет, опасный, без сомнения, непростой, но все же интересный.

– Я заметил вас, когда вы выехали из леса, – сообщил он остановившейся от него метрах в трех девушке.

«Что он мог там заметить?» – подивилась Аня. Отсюда до возвышенности на кромке леса, где заканчивается тропа, добрых метров восемьдесят, не меньше. И он внизу, а она наверху. К тому же, как только Анна его увидела, и потом, все время, что кралась партизанкой по кустам, она не сводила с него взгляда, а он ни разу – вот ни разу! – не повернулся и стоял спиной к ней.

– Где ваше транспортное средство? – продолжал улыбаться мужчина, явно забавляясь ситуацией и смущением Анны.

– Там, – махнула она рукой назад, – под деревом лежит.

– Понятно, – кивнул он.

Честно говоря, было странно вести почти светскую беседу с практически голым незнакомцем, но похоже, что его это обстоятельство ничуть не смущало.

– Вы приезжаете сюда плавать? – поинтересовался он.

– Да, – подтвердила Аня, – тут вода теплая. – И отчего-то решила объяснить данное обстоятельство: – Тут залив небольшой, мелкий, вот вода и нагревается.

– Я понял, – снова усмехнулся сосед. – Выходит, нам обоим нравится плавать на рассвете, подальше от людей.

– Выходит, так, – выдохнула Аня, подумав, что она бы предпочла вообще без людей и голышом, да вот не судьба сегодня.

Он, наверное, понял, о чем она подумала, или прочитал по выражению ее лица и попытался как-то примирить с ситуацией.

– Я, видимо, нарушил ваше уединение, но, надеюсь, мы друг другу не мешаем.

– А я нарушила ваше, – внезапно сообразила Анна, что он, скорее всего, тоже не ожидал встретить тут кого-то столь ранним утром. – Вы же сюда не первый раз приходите?

– Не первый, – подтвердил мужчина.

И, не затягивая больше беседу, кивнул и вошел в воду. Нырнул... Анна затаила дыхание – таким красивым движением он это сделал – и все ждала, когда вынырнет. Ждала, ждала... Заволновалась... Он вынырнул уже в самом озере, под водой проплыв весь заливчик.

И поплыл – размашисто, мощно загребая руками, наверняка каким-то сложным плавательным стилем – Анна не разбиралась каким, но поставила себе заметку в памяти обязательно посмотреть в Интернете, когда вернется домой, каким он там кролем-брассом отмахивал в воде.

Стояла и как замороженная провожала взглядом удаляющуюся плывущую фигуру.

Потом вдруг словно опомнилась: а она-то чего! Он вернется, и все будет сложно и неловко, и уже не поплескаться свободно. Быстренько скинув рюкзачок, достала из него поролоновую подстилку, кинула ее у валуна, на нее полотенце, сняла одежду и побежала к воде.

Все время, что находилась в воде, Анна была как стрелка компаса, всегда показывающая на север, то есть в каком бы направлении она ни двигалась и как бы ни бултыхалась, взор ее был постоянно направлен на озеро, на плывущую в нем фигуру мужчины.

Когда мужчина, поднырнув, развернулся и поплыл назад, Аня сообразила вдруг, что ведь придется выходить из воды и срочным порядком переодеваться, поскольку еще совсем раннее утро и на воздухе вообще-то холодно. Представила себе, как это будет неловко и конфузно, если они выйдут из воды одновременно, и заспешила, засуетилась.

Выскочила на берег, схватила свои вещички и, спрятавшись за большим валуном, быстренько вытершись, переделась в сухое бельешко и оделась в теплое – пробирает так ощутимо, после теплой-то водицы.

И уже спокойно, неторопливо села на коврик и стала ждать соседа. Ну не сбегать же на самом деле, следует о чем-то поговорить, проявить дружескую учтивость, да и любопытство неугомонное не дремлет, может, удастся что-то про него разузнать.

Он выходил из воды, и Аня отвернулась как бы невзначай – я тут природу лицезрею, люблюсь, ну, чтобы не рассматривать его самым неприличным образом, но не удержалась-таки, бросила короткий взгляд, мысленно представив, как можно изобразить это тело в движении и статике.

– Вы где переодевались? – спросил, выйдя на берег, самым невинным образом предмет ее изучения.

– Вот там, за валуном, – подсказала Аня, указав место.

– Да, удобная позиция, – согласился сосед, подхватил вещи и, пообещав: – Я быстро, – направился к валуну.

И действительно, быстро вернулся – прямо какой-то очень шустрый переодевальщик оказался – и, подойдя к Аняте, спросил:

– Можно? – кивнув на коврик.

– Конечно, – показательно пододвинулась она.

Поддернув штанины спортивных брюк, мужчина присел рядом. Помолчали, глядя вдаль на тихую, гладкую, как стекло, поверхность воды, на окружающую озеро панораму, уже подсвеченную с одной стороны выкатившимся из-за горы солнцем.

– Почему вы прятались и подглядывали? – внезапно спросил он.

– Сначала интуитивно испугалась, – честно призналась Анята. – Ну знаете, когда уверен, что никого тут быть не может и весь такой расслабленный, спокойный, и вдруг незнакомый человек. В моем случае крепкий, здоровый неизвестный мужчина.

– Ну да, – согласился тот самый крепкий мужчина.

– А потом... Я вас узнала, и мне стало ужасно любопытно, – улыбнувшись, посмотрела она на него. – Вы же наш сосед из дома над озером. Ужасно таинственный, загадочный и мрачный. И было уже как-то неудобно показываться, и немного опасалась вот так выходить, и что? Представляться? Глупо получилось, – сконфузилась она и призналась совсем уж откровенно: – Я ведь действительно подсматривала за вами.

– Ожидали полного стриптиза? – усмехнулся он.

– Да нет, что вы, – уверила не самым убедительным образом Анята и рассмеялась, сообразив, что ее лукавство очевидно. – Просто знаете, из вас бы вышел великолепный натурщик. У вас красивое, классически гармоничное тело, если бы вы решили позировать, художники бы в очередь вставали, чтобы заполучить такого натурщика.

– Пожалуй, уступлю дорогу молодым, – хмыкнул ее собеседник. – Уверен, что художники предпочтут юных мужчин с рельефными мышцами, а не возрастных потрепанных образчиков.

– Смотря какие художники, – задумавшись, посмотрела вдаль Анята.

– Вы художница? – скорее утвердил, чем спросил мужчина.

– Художница, – снова повернулась к нему Аня и сделала очередное честное признание: – Я рисовала ваш дом. Сверху. Забралась на гору, нашла хороший ракурс и нарисовала. У вас удивительный дом. Мощный, загадочный, со своим характером. Непростой.

– Спасибо, – поблагодарил сосед. – Мне он тоже нравится.

– А чем занимаетесь вы? – спросила с любопытством Анна.

– Очень прозаичным делом, далеким от искусства, ничего возвышенного и красивого, как у вас. Но в данный момент я с удовольствием предаюсь отдыху, – ушел он от прямого ответа и спросил, откровенно уводя от темы: – Будете еще плавать?

– Нет, – отказалась Анята и пояснила: – Пора возвращаться, тетушка на завтрак будет ждать, а ждать она не любит.

Каким-то слитным, единым движением, легко, казалось, что без каких-либо усилий, он поднялся с коврика, галантно протянул руку девушке, помогая подняться и Аняте.

– Ну, что, тогда до свидания, – попрощался мужчина и предположил: – Может, еще встретимся, когда придем сюда поплавать.

– Вполне возможно, – кивнула Анна.

– Вас проводить? – предложил он.

– Нет, спасибо, – отказалась Аня, чувствуя какую-то неожиданно охватившую ее маелтную неловкость.

Быстренько сложила и затолкала в рюкзачок подстилку, закинула его на плечи и скомканно попрощалась:

– До свидания, – и, махнув рукой, заторопилась, поднимаясь по косоугору наверх к тропинке, где оставила свой велосипед.

А взобравшись на возвышенность, обернулась и увидела, что мужчина за это время успел довольно далеко пройти по берегу и вдруг, словно почувствовав ее взгляд, повернулся именно в этот момент и помахал ей рукой.

Она ехала назад и, конечно же, размышляла об этой неожиданной встрече и об этом так и оставшемся загадочным мужчине. Ну а о ком?

Вообще-то, что бы ни утверждал этот сосед, но большие сомнения в том, что он мирный безобидный гражданин, оставались. Как-то с трудом верится, что мужик этот – убежденный пацифист, любитель бабочек и мимимишных видео в Сети, вот ни разу не похож. И не потому, что обладает внешностью типичного бандита или злодея какого безбашенного, нечто из классификации Ломброзо, с низким лбом и тяжелым взглядом из-под тяжелых надбровных дуг – отнюдь.

Вполне себе приятная внешность, можно сказать, даже по-мужски привлекательная, но достаточно обычная. Только чувствовалась в нем некая спокойная уверенность, внутреннее равновесие сильного духом человека, решительного, способного на мощные поступки и действия.

И, без сомнения, весьма опасного человека. Анна отчетливо чувствовала исходящую от него духовную и физическую силу. Но странное дело, тем самым своим обостренным внутренним чутьем и видением она совершенно четко знала, что ей незачем его опасаться. Мало того, когда они сидели рядом, смотрели на озеро и разговаривали, пусть и коротко, она чувствовала поразительное, абсолютное внутреннее спокойствие. Странное такое чувство, незнакомое.

И, только подъезжая к задней калитке ворот, Анята сообразила, что они не представились друг другу и она все так же не знает, как его зовут. И расстроилась этому обстоятельству как-то уж слишком глубоко для столь незначительной мимолетной встречи и ерунды.

И утаила от тетушки с Леней факт своего полужнакомства с соседом, и ворочалась в постели, и все никак не могла заснуть, вспоминая его выразительное, интересное лицо, непростой, словно сканирующий, глубокий взгляд и красивое тело мужчины в великолепной форме, подсвеченное розовыми рассветными лучами.

А утром ехала к заливу и чувствовала непонятное нетерпение, словно спешила на свидание, и, сама себе поражаясь, остужала свою странную восторженность и нетерпеливое ожидание едкими ироничными и колкими замечаниями, напоминанием про возраст, и все равно нервничала в предвкушении возможной встречи. Трепетала.

Еще на этапе покупки и оформления участка Северов провел полную, тщательную рекогносцировку окрестностей поселка в радиусе тридцати километров. Ну так, пробежался, в легком режиме ежедневных тренировок, расширяя круги от центра – просто интересно, да и не помешает знать, где он собрался построить дом мечты и отдохновения.

Получилось с этим поселком и его желанием занять тут собственность все случайно и как-то внезапно. Но когда он приехал сюда и увидел воочию, а не на картинке – это озеро,

сосны, в мешанине каменных глыб поднимавшиеся по периметру на скалы, – даже этот спуск к воде, состоявший, казалось бы, из одних валунов и базальтовой плиты, который он собирался приобрести, то почувствовал практически сразу – это его.

Вдохнул поглубже, задержал дыхание, а на выдохе уже точно знал, что совершенно созвучен с этим местом, что оно дает ему силы, наполняет чем-то чистым, истинным и здесь у него будет тот самый дом.

Это как с женщиной: когда любишь, то сразу, и не любишь тоже сразу.

Первое время Антон редко наезжал в Озерное, такой расклад был по службе, никуда не денешься, но при любой возможности старался приехать в поселок и находиться в нем как можно дольше. Последние годы это удавалось все чаще.

Разумеется, он знал, что местные жители относятся к нему с настороженностью, считая не совсем своим, мало того, тщательно поддерживал имидж замкнутого, нелюдимого и опасного человека, чужающегося общения с другими людьми, – так оно удобней, отсеивает лишние вопросы и чужую навязчивость.

Никогда не пренебрегавший основным постулатом «Знание – сила и безопасность», Северов обладал достаточно полной информацией про всех владельцев жилья в поселке, про их домочадцев и обслуживающий персонал и, разумеется, про «крестную мать» этого элитного поселения Александру Юрьевну был прекрасно осведомлен, даже более чем. А вот ее племянницу увидел впервые.

И как-то так эта племянница его зацепила, вот прямо с первого взгляда, когда, возвращаясь с тетужкой и ее компаньонкой, очень красивой девушкой Леной, с пляжа «Майами», прошла метрах в трех от него, не заметив Антона, собиравшего между сосен сухие шишки про запас для камина, настолько увлекшись беседой с женщинами. Как, впрочем, и ее собеседницы.

А он вот засмотрелся. И долго стоял, задумчиво провожая удаляющуюся троицу взглядом.

Второй раз они столкнулись, когда Антон вернулся с рыбалки. Девушка вдруг впорхнула на причал и резко остановилась, увидев его, и уставилась изумленно. А его что-то так проняло не по-детски. Он посмотрел в эти любопытные, немного настороженные светло-зеленые глазки и чертыхнулся про себя.

Да ладно. Да ну...

И весь последующий день, мысленно посмеиваясь и иронизируя над собой, напоминая про возраст и что там в какое ребро прилетает, хмыкая и покручивая головой, вспоминал девчонку. Вот прямо стояла она у него перед глазами.

Она напоминала Антону куколку-балетницу. Была у его деда старинная музыкальная шкатулка, у которой открываешь крышку – и выплывает из недр фарфоровая фигурка куколки-балерины на постаменте и крутится под механическую музыку. Мальчонкой он завороченно смотрел на эту куколку и осторожно трогал пальчиком, боясь повредить в ней что-нибудь хрупкое, и, наверное, благоговел, так поражало его искусство мастера, сотворившего эту маленькую куколку настолько точно, что она была как живая.

Эта девчонка чем-то очень напоминала ту самую фарфоровую балеринку: стройненькая, не худющая, а изящная, вся такая гармонично скроенная, ладненькая. Эдакий типаж женщины-девочки, в чем-то навсегда остающейся наивной, чистой, светлой.

Ну надо же, все удивлялся себе Антон. И вздыхал, признавая очевидный факт: вот так вот, Антон Валерьевич, вот так.

Приезжая в дом у озера, он всегда переключал в себе некий тумблер, перестраиваясь практически сразу же на режим отдыха и душевного расслабления. Занимался только тем, от чего получал настоящее удовольствие: рыбачил, много читал исключительно настоящие книги на бумажных носителях, много гулял, рано ложился спать, рано вставал. Для полноценного отдыха и сна Антону давно уже хватало часа четыре-пять, а здесь то ли воздух был особенным,

то ли и на самом деле организм расслаблялся, но спал он часов по шесть, просыпаясь перед самым рассветом, и отправлялся в лес на пробежку.

Нравился ему этот лес, дышалось тут сладко, во всю ширь, и, пробежав привычную дистанцию, там же, в лесу, на удобной полянке, он обычно делал серию ежедневных упражнений, а после по настроению: либо возвращался домой, либо добегал до дальнего озера и плавал.

Вот так несколько дней назад он решил поплавать и, почти уже спустившись с косогора к озеру, вдруг заметил эту девушку, плавающую в теплом заливчике. И тормознул, зашел за ствол сосны, чтобы не напугать ненароком ее своим появлением. А потом она вышла из воды.

Голенькая. И розовые лучи солнца, выползавшего из-за скалы, словно окутали ее мокрое гибкое тело, засверкав на каплях воды.

М-да. Вот и все, как любит приговаривать его матушка. Вот и все.

Днем Антон прогулялся по грунтовой дороге, что буфером проходила между стенами заборов, ограждающих участки, в том числе и Александры Юрьевны, и лесом, и поднялся по «серпантину» на верх пригорка – побродил, одним словом.

А на следующее утро, мысленно остужая себя и посмеиваясь над собой, над неким предчувствием, ожиданием, теплившимся в груди, побежал на пробежку, решив, что сегодня он обязательно *захочет* искупаться в дальнем озере. Он совершенно определенно знал, чувствовал, что она приедет на своем велосипеде. И она приехала.

Северову стоило больших трудов, чтобы не расхотаться во весь голос и сохранять внешнее спокойствие, когда девушка ползала по косогору, прячась за кустами и камнями, громко посапывая от усилий и сосредоточенности, производя какофонию звуков своими разведывательными передвижениями.

А потом, разоблаченная в подглядывании, она подошла к нему, и, разговаривая, Антон вдруг обратил внимание на ее узкие ладошки с длинными тоненькими пальчиками...

И эти тоненькие, изящные пальчики, производившие невероятно красивые, завораживающие его движения, сместили что-то у него в мозгу окончательно.

Или поставили на место.

Незамеченным он проводил ее до калитки общего забора, перед подъемом на гору, даже бежать не пришлось, так, трусил чуть сзади по лесу, настолько медленно она ехала, погрузившись в свои размышления. И проследил с вершины, как девушка спустилась по «серпантину» со скалы, проехала по грунтовке и завела велосипед на участок через заднюю калитку.

И на следующее утро снова отправился на дальнее озеро.

– Здравствуйте! – обрадованно поздоровалась девушка, остановившись наверху. Помахала ему рукой и принялась торопливо спускаться с косогора вместе с велосипедом на этот раз. – Мы с вами, – чуть запыхавшись, остановилась она возле него, – даже не представились вчера друг другу, – и протянула ему свою тонкую изящную ладошку. – Я Анна.

– Антон Валерьевич, – принял и очень осторожно пожал эту фарфоровую ладошку Северов.

– Вот и замечательно! – чему-то радовалась девушка.

Как и вчера, поплавали каждый по своей программе: он – нагрузочно, на скорости, чтобы сильно не охлаждаться; она – плескаясь как малек на мелководье. И когда Антон вышел из воды и переоделся, то предложил:

– Я хотел бы показать вам одно место, – указал он рукой вправо вдоль берега, в сторону леса.

– Далеко? – безмятежно поинтересовалась девушка.

А Северова прямо вот шоркнула эта ее доверчивая безмятежность: а если бы он был козлина какой с гнусными намерениями, а она выказывает полную готовность неизвестно куда и неизвестно с кем идти.

– Нет, не далеко, – сдержал он себя, чтобы не начать назидать наставлением по безопасности.

И, уже привычно за последние дни, мысленно усмехнулся, посмеиваясь над собой, – экого пробрал-то, однако.

– А велосипед? – спросила девушка, не подозревая о штормивших в мужчине мыслях и чувствах в свой адрес. – Или лучше на нем поехать? В принципе, – посмотрела она задумчиво на своего железного друга, – мы вполне можем поместиться на нем вдвоем, если вы поведете, а я сяду на раму. – И посмотрела на Антона веселыми зелеными глазами: – В старых советских фильмах герои так часто девушек катали.

Северов тут же представил себе, самым красочным и ярким образом, что ему придется претерпеть, если он посадит девушку впереди себя на раму, а она откинется ему на грудь для равновесия... Ну, в общем, нет пока.

– Тут недалеко, пешком удобней, – заверил Антон. – А велосипед мы вон под тем кустом спрячем, на всякий случай, чтобы не вводить в искушение какого-нибудь заблудшего туриста, случись здесь таковой.

– Ну давайте спрячем, чтобы не вводить, – согласилась девушка.

Пристроив агрегат, он повел Анюту вдоль берега, налево от залива в сторону леса, где метров через двести между двух сосенок начиналась еле заметная тропинка, которую натоптал сам Антон, приходя сюда. Тропинка практически сразу забирала вверх, поднимаясь по довольно крутому склону, но была достаточно удобной, чтобы по ней можно было спокойно пройти.

Не спрашивая и не предлагая помощи, просто взял Аню за руку и повел за собой, помогая подниматься. Вскоре подъем стал более пологим, а тропинка поворачивала вправо, держась параллельно озерному берегу. Они прошли еще метров пятьсот, плавно, но все же поднимаясь и поднимаясь вверх, когда Антон свернул еще раз направо и перехватил поудобней за локоток руку девушки, которую так и не отпускал весь путь, придерживая более основательно.

– Здесь осторожней, – предупредил он, выводя Анну на большой, практически плоский огромный валун, нависший над озером. Провел ее почти к самому краю, развернул, поставив перед собой, продолжая придерживать за локоть, и повел рукой: – Смотрите.

А она вдруг перестала дышать и словно застыла вся.

Да, он понимал.

Вид, открывавшийся с этого места, был совершенно потрясающий, невероятный. Дыхание перехватывало от этой строгой, сдержанной и величественной красоты.

Озеро лежало перед ними во всей красе, как на ладони, и вздыбливающиеся по его берегам, карабкающиеся наверх каменные глыбы и валуны скал, среди которых высились гордые ровные сосны и низкорослые деревца кое-где между ними, отражались как в зеркале в неподвижной глади воды. И над всем этим великолепием царила небывалая тишина, нарушаемая лишь еле слышным плеском воды и щебетом птиц.

Они стояли молча и смотрели, сливаясь с природой, становясь ее частью, принимая ее в сердце и душу как неожиданный, великолепный дар.

Через какое-то время она повернулась к нему, подняла лицо, посмотрев своими светло-зелеными глазами, переполненными непролитыми восторженными слезами, и произнесла с глубоким чувством, тихим, переполненным эмоциями голосом:

– Спасибо.

А у него всколыхнулось сердце, пропустив пару ударов.

М-да, как-то вот так. «Что ж теперь сделаешь», – подумалось ему.

На следующее утро девушка не приехала, Антон прямо расстроился и все подшучивал над собой и даже было подумал: а не навеститься ли в гости к Александре Юрьевне, дабы выяснить причину, по которой ее племянница не приехала сегодня купаться.

И, запрокинув голову, засмеялся в голос над этой мелькнувшей мыслью, которую чуть не принялся обдумывать всерьез.

Анюта ехала и думала о том, что знала имя-отчество соседа еще до того, как тетушка открыла им с Леной его сегодня, и про то, что ее секретик как-то незаметно ширится и наполняется, становясь все объемней и значительней, грозя перерасти в полновесную тайну, а этого не хотелось бы. Зачем? Тетушка – не тот человек, от которого Анна что-либо утаивала, а ровно наоборот, делилась всеми своими делами и переживаниями, да и начинать не собиралась.

А еще она с сожалением думала о том, что сегодня не встретит Антона Валерьевича, потому как едет не утром, а днем. И предвкушала, как, наплававшись, пойдет на тот валун, что он ей показал, и порисует.

Вчера она просто задохнулась от красоты, дышать не могла, когда он привел и поставил ее перед собой на этот надолб, нависший над озерной гладью, и повел рукой, будто преподносил, дарил ей эту великую, роскошную драгоценность.

Анне всю ночь снилась эта величественная картина. И руки невозможно было удержать, так хотелось немедленно перенести эту красоту на холст или бумагу, еле сдерживала себя, зная, что обязательно будет рисовать с натуры. Вот сегодня и порисует, а завтра утром обязательно поедет в их урочный утренний час и покажет Антону Валерьевичу, что у нее получилось изобразить. Почему-то у Ани даже тени сомнения не возникало, что он появится в привычное время, как было уже дважды, хотя они ни о чем не договаривались.

Засиделась она на том валуне над озером несколько часов, до сумерек, так увлеклась, что и подмерзнуть успела, и оголодать. Вспомнила, что тетушка наверняка изворчалась вся, ее дожидаясь, не имея возможности выказать свое негодование лично, – Анюта не брала с собой телефон в эти поездки, желая полного, абсолютного погружения и слияния с природой, не прерываемого звонками и сообщениями, врывающимися бы в эту умиротворенность из техногенной обыденности.

Тетушка, разумеется, ворчала и выговаривала ей за такое легкомыслие не раз, вспоминала о своих тиранских требованиях и сегодня, когда Аня вернулась, встретила пропавшую племянницу строгим выговором, но забыла обо всех претензиях и наставлениях о безопасности, рассматривая наброски Анны. В общем, искусство, как обычно, победило суетность бытия.

А ранним утром Анна, беспрестанно улыбаясь и уже совершенно определенно трепеща и волнуясь в предвкушении встречи с соседом, сложив вещи в рюкзак и не забыв прихватить альбом с набросками, выкатилась на велосипеде из задней калитки и неспешно поехала по привычному уже маршруту.

В лесу царил рассветная тихая благодать, птицы еще не звенели на все лады, а лишь тихо-тихо щебетали, словно опасались спугнуть утро. И было так торжественно и величественно, словно в органном зале еле слышно позванивали трубы, готовясь зазвучать всей своей мощью.

Анюта настолько расслабилась и погрузилась в себя, в какое-то отрешенное, почти медитативное состояние, войдя в резонанс с настроением и энергией природы, что не замечала, куда едет, автоматически крутя педали, что чуть не свалилась с велика, когда наехала на упавшую посреди тропинки довольно толстую ветку.

Суетливо задергала рулем, пытаясь удерживать равновесие, совладала, слава богу, не рухнула, но, остановившись, спрыгнула с сиденья, чтобы прийти в себя. Переход от состояния практически полного внутреннего покоя и расслабленности к нервическим трепыханиям и борьбе за равновесие был столь резким и неожиданным, что она как-то сильно напряглась и понервничала.

Стояла, успокаиваясь, дышала полной грудью, в какой-то момент даже глаза прикрыла, пытаясь снова расслабиться.

И вдруг услышала стон...

– Ум-м-м-м...

Ну точно – тихий такой, но совершенно натуральный стон!

Аня прислушалась, прямо-таки вся обратившись в слух, неосознанно даже сдвинувшись в ту сторону, откуда донесся непонятный звук.

Слушала, слушала... Нет, ничего.

Почудилось, наверное, решила она и уж собралась снова оседлать велик – пора вообще-то, ее там, может, сосед дожидается для заплыва и милой беседы, когда снова раздался этот пугающий звук.

– Ум-м-м-м... – тихо, но достаточно отчетливо и мучительно простонал кто-то.

– Что такое? – насторожилась Аня.

И, придерживая велосипед за руль, двинулась в том направлении, откуда определенно доносился этот странный звук. Который именно в этот момент снова пропал. Анна остановилась, прислушалась, даже дыхание затаила.

– М-м-м-м-м... – послышалось более отчетливо.

Стон тяжелой, какой-то безысходной боли. И, отбросив сомнения, она поспешила туда, откуда долетал этот болезненный стон. Она спешила, почти бежала, велосипед бултыхался по кочкам, камням, ухабам и упавшим веткам, задевая периодически педалью ее по ноге и сильно замедляя этим движение.

А стоны становились все отчетливей и громче, и в какой-то момент Анна поняла, что находится прямо возле источника звука, но не видит никого вокруг.

И вдруг стон повторился так четко и ясно, совсем рядом, но вроде как снизу.

Анюта стояла у края ямы, когда-то давно образованной вывороченным корнем мощного дерева, росшего у большого валуна, скорее всего, рухнувшего во время бури. Дно ямы было завалено сломанными ветками, шишками, высохшими хвойными иголками, наносимыми ветрами и паводками в яму за долгие годы, но сверху этой кучи, выпадая из общей картины давно высохшего, старого сухого лесного мусора, был навален свежий лапник.

И очевидно, что где-то именно под ним и находился человек, издававший страдальческие стоны.

Привалив велосипед к ближайшему сосновому стволу, Аня торопливо спустилась в яму, не самым аккуратным образом – умудрилась зацепиться ступней за выступающий из стены корень, рухнула на попу и, обрушивая вниз лавины сухой земли, перемешанной с песком, скатилась к завалу.

Но это все ерунда, она даже не заметила, быстро раскидала ветки лапника в сторону и замерла, оторопело уставившись на обнаружившегося человека. И было от чего – мужчина лежал как-то неестественно и неудобно: на боку, руки бессильно вытянуты вперед, ноги, наоборот, согнуты в коленях, ступни как-то ненатурально вывернуты, он походил на выброшенную на помойку большую сломанную куклу, а клетчатая рубашка на его груди была залита кровью. И горло, и часть лица, словно его сначала держали вниз головой, пока кровь текла по нему, а потом бросили. И была это совершенно жуткая и абсолютно нереальная картина.

Он снова застонал, и Анна встряхнулась, выходя из заторможенного созерцания. Упала на колени возле раненого, больно оцарапав при этом правую голень, лишь мимолетно обратив на это внимание, и замерла, наклонившись над ним, не зная, что надо делать и как помочь.

– Мужчина! – позвала она.

И потрясла бессильно-суетливо перед собой ладошками, не зная и не понимая, как к нему прикоснуться, издала какой-то придушенный писк со страху – ну невозможно трогать человека, залитого кровью, который так стонет! Остороженько похлопала его ладошкой по щеке.

– Мужчина, – снова позвала Аня почему-то шепотом.

– Эм-м-м-м-м... – застонал тот.

И в этот момент она увидела, как из маленькой дырочки на его груди выплеснулась темная, смолянистая какая-то жидкость, совсем чуть-чуть. И ее буквально накрыло холодным страшным пониманием, что эта жидкость не что иное, как кровь.

У нее мурашки побежали по всему телу от этой простой четкой мысли. Аня рванула со спины свой рюкзачок, торопясь, путаясь непослушными, трясущимися пальцами в завязках, открыла, выхватила полотенце и приложила его к этой маленькой страшной дырочке.

Прижимая полотенце, вдруг вспомнила, что где-то она читала или слышала, что надо обязательно зажать рану и остановить кровотечение, и судорожно пыталась сообразить, как же прижать-то эту рану и вообще что делать дальше. Мужчина застонал громче и протяжней, а Анна окаменела, заметив еще одну такую же маленькую черную дырочку чуть ниже солнечного сплетения, на заскорузлой от подсыхающей крови ткани рубашки.

Накрыв другим краем полотенца и прижав второй рукой и эту дырочку, она смотрела остановившимся от испуга взглядом, как буквально на глазах, за считанные мгновения полотенце пропитывается кровью. И в этот момент Аня со всей отчетливостью поняла, что одна не справится, и, наклонившись к лицу мужчины, пообещала:

– Я сейчас! Потерпите немножко, я сейчас вернусь! И приведу помощь! Я быстро!

И ринулась выбираться из ямы. Хватаясь за выступавшие из стен щупальца корней, перепачкавшись в земле с песком, она вылезла наверх, вскочила на велосипед и, не разбирая дороги, помчалась как могла к дальнему озеру, к своему пляжику. За помощью.

С обрушившимся на нее шквалом облегчения, от которого на пару мгновений даже что-то ослабло под коленками, высмотрела она фигуру мужчины, стоявшего у кромки воды, и, на всей скорости тормозя у самого края косогора, так что велик аж занесло вбок, Анна проорала, слетая с велосипеда:

– Антон Валерьевич!

Аня не успела еще прокричать его отчество до конца, а он, сорвавшись с места, уже неся наверх по склону с невероятной какой-то скоростью и поразительной сноровкой, не делая ни одного неловкого или лишнего движения, – плавно, мощно, стремительно.

И, вылетев на косогор, с ходу ухватил обе ее руки, повернув вверх ладонями, выстреливая вопросами каким-то напряженным, четким командирским тоном:

– Ты разбилась? Поранилась? Где? Покажи?

– Я нет, нет, – затараторила Анна, сообразив, что он решил, будто с ней случилась какая-то беда.

– Откуда кровь? – чуть менее напряженно, но тем же строгим командирским тоном задал он очередной вопрос.

– Это не моя, – опустив голову, посмотрела на себя Анна, только сейчас обнаружив, что одежда перепачкана кровью вперемешку с землей, а ладони полностью покрыты красной, уже подсыхающей коркой.

– Там раненый, Антон Валерьевич! – заспешила она с сообщением. – Нужна срочная помощь!

– Так, – коротко произнес он, перехватил у нее руль велосипеда, резко развернул его в обратную сторону, сдернул с себя куртку, в три движения намотал на раму, сел на сиденье и, ухватив Анну за локоть, подтянул к себе.

– Садись, – распорядился он, указав подбородком на раму впереди себя.

Она тут же торопливо уселась, поерзав немного, устраиваясь, и схватилась за руль обеими руками.

– Где? – спросил он.

– В яме у вывороченного корня, что у глыбы такой большой, знаете? – отрапортовала Анна.

– Знаю, – кивнул Северов и, оттолкнувшись ногой от земли, надавив на педали, поехал вперед, распорядившись: – Держись.

Анне казалось, что велосипед прямо-таки летит, уверенно ведомый мужчиной, самым невероятным образом умудряясь объезжать препятствия, не пересчитывая все шишки, камни и упавшие ветки, обоими колесами, как ехала она, когда мчалась к озеру, изрядно отбив копчик.

Они как-то очень быстро оказались у ямы, и, соскочив с велосипеда и сунув руль Анне в руки, Антон Валерьевич снова отдал приказ:

– Стой здесь.

И эдак ловко-быстро, бочком по насыпи склона спустился вниз и присел перед пострадавшим человеком, осматривая того. Всего минуту, наверное, посидел, проверил пульс, приложив пальцы к шее, поднялся с корточек, прихватил с земли позабытый Анной рюкзачок, накинул его на плечо и так же сноровисто-быстро выбрался из ямы.

– Умер, – сообщил он спокойным ровным тоном.

– А-ах! – бросив руль велосипеда, который, издав неуместный в почти полной лесной тишине железный лязг, грохнулся на землю, Анна прижала пальчики к губам.

Распахнув от ужаса глаза, стремительно наполнявшиеся слезами, она отняла пальцы от лица и призналась потрясенным шепотом:

– Это из-за меня, – и, снова приложив пальцы к губам, покачалась скорбно из стороны в сторону.

– Это вряд ли, – отряхивая ладони от земли с песком, спокойно заметил Северов. – Если, конечно, вы в него не стреляли из пистолета. – И спросил, чуть усмехнувшись: – Вы не стреляли?

– Я? – поразилась вопросу Аня и энергично покрутила головой: – Нет. Я не стреляла.

– Я почему-то так и думал, – улыбнувшись, кивнул ей ободряюще Антон и пояснил: – Умер сей гражданин от двух пуль в область сердца и кишечника. – И добавил, чуть скривившись, как пожаловался: – И ох как хреновато все это.

Тягостно-безнадежно вздохнув, достал из крепления на ремне своих крутых специальных спортивных брюк телефон в необычном противоударном мягком кожухе, быстро набрал номер, приложил к уху аппарат и, в ожидании ответа вздохнув еще разок, посмотрел с большим сожалением непонятным взглядом на Аню и пожаловался:

– И как же не вовремя-то.

– А это бывает вовремя? – немного придя в себя от первого шока, с сомнением спросила Аня.

– Бывает, Анечка, еще как бывает, – ответил он, улыбнувшись ей ободряюще, и заговорил уже в телефонную трубку: – Да. Я хотел бы сообщить о трупе.

Аня не стала слушать его разговор с полицией, подошла к краю ямы и смотрела на человека, лежащего внизу поломанной выброшенной куклой. Вернее, теперь уже на труп человека.

И именно в этот момент ее накрыло конкретно, затрясло мелкой противной дрожью, желудок перехватило спазмом, к горлу подкатил тошнотворный комок, она все пыталась вдохнуть и никак не могла.

Вдруг сильные руки, ухватив ее за плечи, развернули и прижали к мужской груди.

– Тихо-тихо, девочка, – уговаривал ее мужчина спокойным ровным голосом, снова обращаясь на «ты». – Дыши. Медленно втягивай воздух через нос, – подсказывал он и похвалил, когда девушка последовала его совету. – Вот так, молодец. Задержи дыхание и медленно выдохни, – и снова похвалил: – Молодец. Теперь еще раз: вдохни, не спеши, задержи дыхание. И выдохни. Ну, как? – наклонившись, заглянул он ей в лицо. – Полегчало?

– Д-да, спасибо, – поблагодарила Аня и спросила о том, что никак не хотело отпускать ее: – Это точно не я его... добила? – смогла-таки сформулировать она вопрос и, понизив голос до шепота, призналась: – Я ему рану зажимала полотенцем, видела в одной программе, что

надо прижимать к ране что-нибудь, чтобы остановить кровь. А он стонал. Может, я сильно нажала, а он умер?

– Ну, хорошая, наверно, программа, – похвалил Северов с не очень скрытой иронией, – поучительная. Только от проникающего пулевого ранения в область сердца и кишечника вряд ли что-то помогло бы, кроме срочной операции, – отпустил девушку из объятий, посмотрел на нее и спросил с ироничным сомнением: – Ты умеешь делать операции?

– Нет, – честно призналась Аня, – я умею делать художественную вышивку разными техниками любого уровня сложности, нитяную и самоцветами, бисером и жемчугом. – И, подумав пару секунд, предположила: – Наверное, я могла его зашить.

Кто угодно начал бы тупить, окажись на ее месте, когда ты тихий-мирный гражданин и кровь видел только на порезанном пальчике и разбитой коленке, и вдруг у тебя на руках умирает человек. Ну ладно, пусть не только на пальчике и коленке, а и с бедой Анне приходилось сталкиваться и переживать разное доводилось, но залитый кровью, стонущий человек – это, знаете, конкретно бьет по психике.

Северов начал трястись всем телом в героических попытках сдержать рвущийся смех, покрутил головой и потер рукой затылок.

А Анна, глядя на похотывающего, бессильно прикрывшего глаза рукой мужчину, вдруг очень живо и так красочно-четко представила себе картину, как она накладывает на черные дырочки на груди пострадавшего аккуратные, искусные стежки золотой нитью с жемчугом.

– М-м-да... – произнесла она, признавая нелепость своего высказывания.

– Извините, – махнул примирительным жестом Антон, справившись с приступом смеха, смахнул предательски выступившую слезу, возвращаясь к их текущему положению: – Ань, нам с вами придется дождаться полицию.

– Здесь? – посмотрела она на него обескураженным взглядом, показав на яму, у края которой они так и продолжали стоять, и уточнила на всякий случай: – Прямо вот здесь?

– Зачем же прямо здесь, – успокоил он ее. – В сторонке посидим.

– Да, я понимаю, – кивнула она. – Мы же свидетели.

– Свидетели, – согласился Антон и расширил ее версию: – И подозреваемые. Это во-первых. – И указал рукой на небольшой пригорочек метрах в пятнадцати от ямы, предложив невозмутимым тоном: – Вон там можно удобно посидеть.

– Подождите, – поразила Анна, – почему подозреваемые?

– Идемте, – коротко вздохнув, взял он ее за руку и повел в сторону от ямы.

Место Северов присмотрел действительно удобное – небольшая возвышенность, присыпанная хвоей, как мягкой подушкой, давала прекрасный панорамный обзор местности, а на каменную глыбу и сосну, находившиеся на ней, можно было откинуться спиной. Не спрашивая разрешения, Антон достал из рюкзака Анны, про который та начисто забыла, погруженная в переживания и сильные эмоции, поролоновый коврик, постелил на землю и приглашающим жестом предложил девушке садиться. Что она и сделала, скорее обессиленно плюхнувшись на подстилку, ну и он сел рядом.

– Так почему подозреваемые? – переспросила настойчиво Аня.

– Потому что и вы, и я могли убить этого человека, – невозмутимо пояснил Северов.

– Я его даже не знаю! – задохнулась от негодования Анна.

– Я тоже не знаю, но это не имеет никакого значения. Для полиции важен тот факт, что и у вас, и у меня имелось время, место, – он провел рукой, показывая на лес, – и возможность застрелить потерпевшего. Как вместе, вступив в преступный сговор, так и по отдельности, имея какие-то личные мотивы.

Анна посмотрела на него потрясенно расширившимися от удивления глазами несколько секунд, потом отвернулась, задумавшись над тем, что он сказал. Антон не мешал ей размышлять, не подсказывал, не добавлял уточнений к своим словам, досадуя про себя, что девочка

попала в такую неприятную историю. Да и ему эти дела совершенно ни к чему, тем более сейчас. Именно сейчас.

Ох, Анечка, Анечка, ну что тебе стоило проехать по той тропинке чуть попозже, хотя бы минут через десять, когда болезненный клиент практически уже мирно испустил дух.

– А во-вторых? – спросила неожиданно девушка и снова посмотрела на него: – Вы сказали «это во-первых». А во-вторых?

– А во-вторых, если мы уйдем, то сюда может прийти кто-то другой и изменить картину места преступления или вообще унести труп. И тогда мы с вами попадем в еще более сложную ситуацию: полицию вызвали, место преступления есть, трупа нет.

– Кому может понадобится перетаскивать этого человека куда-то? – недоуменно посмотрела она на него.

– Например, тому, кто в него стрелял, – пожав плечами, пояснил Антон. – Для того чтобы спрятать более надежно. – И поделился безмятежным тоном своими наблюдениями, сделанными после короткого осмотра трупа в яме: – Этого человека явно убили в другом месте, а сюда привезли, причем вниз головой. И что-то подсказывает мне, что убийца намеревался избавиться от трупа куда как более продуманно, а в яму пристроил временно. Видимо, кто-то его спугнул.

– Убийца?... – протянула потрясенно Аня и, неосознанно схватив Антона за руку, заозиралась испуганно по сторонам, спросив с тревогой: – А если он действительно вернется и стрелять в нас начнет?

– Не начнет, – уверил ее Северов.

– Откуда вы знаете? – уставилась на него своими светло-зелеными глазами, расширившимися от испуга, девушка.

«Охо-хо, эти твои взгляды, девочка, охо-хо, – засмотрелся Антон, тяжело вздыхая про себя, пропадая в этих зеленых озерах...» И эти тонкие пальчики, ухватившиеся за его руку, м-м-да, вот так оно получилось.

«Ну, ладно, фигня война, главное – маневры», – одернул себя Северов любимой присказкой, – «разберемся».

– Сейчас утро, и по лесу могут ходить люди, грибники или такие же любители утренних прогулок, как мы с вами. К тому же он толком и одно-то тело не смог спрятать, а три – это уже кинематографический перебор. Да и ушел он из леса давно, – объяснял он ровным, уверенно-спокойным тоном, разгоняя ее страхи.

– Да, наверное, – подумав, согласилась Анна.

И, как-то сразу поверив его словам, Аня вдруг совершенно перестала трястись, бояться и рефлексировать, успокоенная той невозмутимой внутренней уверенностью и силой, исходившей от этого мужчины, которую она явственно чувствовала. И только сейчас заметила, что продолжает с силой сжимать его руку, смутилась, торопливо отпустила, извинившись:

– Простите.

– Ничего, мне приятно, – улыбнулся он ей по-дружески открыто.

– Как вы думаете, когда они приедут? – торопливо спросила Аня, чувствуя легкую неловкость и странные эмоции, что вызывал в ней этот его теплый, какой-то особенный взгляд.

– Нескоро, – не порадовал Северов. – Пока они там в своем районном отделении расчухаются, пока согласуют с вышесидящим начальством, так просто с кондачка не поедут. Кто ж захочет добровольно подставляться под чиновников и богатеев, живущих в «Озерном»... А начальство еще разбудить требуется, оно пока спит. Значит, не меньше получаса только согласовывать будут, назначать крайних, передоверяя друг другу полномочия и ответственность. Это в лучшем случае, потом, пока соберутся, пока доедут, тоже часа полтора, не меньше. Так что сидеть нам с вами, Анечка, минимум часа два. Но мы все же облегчим себе задачу, – улыбнулся ей Северов, достал телефон и пояснил: – Озадачим поселковую администрацию проис-

шествием на их территории. Взбодрим немного любимую вашей Бибиси общественность, так сказать.

И, набрав номер Аристарха Марковича, кивнул ободряюще Анне, поднявшись с подстилки, отошел в сторонку и о чем-то довольно продолжительно разговаривал.

Анна не прислушивалась к его разговору, откинулась на ствол сосны, закрыла глаза, расслабилась и только сейчас почувствовала, как звенит от напряжения и усталости все тело. Немудрено, все-таки она пережила серьезный стресс, носилась тут по лесным кочкам и ухабам, трясаясь на велике, нервничала ужасно. Если бы Анюта не пыталась помочь этому несчастному, скорее всего, она бы намного спокойней реагировала на обнаружение убитого человека. Нервничала, понятное дело, испугалась, переживала, но не до такой степени, а когда вот так – не знаешь, чем помочь, а человек стонет и умирает, истекая кровью, – брр-р-р! Тут же постаралась прогнать эту выскочившую в воображении ужасную картинку.

– Вам, наверное, надо позвонить тетушке? – вывел ее из ленивой задумчивости голос мужчины.

Видимо, она немного задремала, потому что совершенно не слышала, как он закончил разговор и подошел к ней, а открыв глаза, увидела прямо перед собой смартфон, который протягивал ей Антон Валерьевич.

Посмотрела-посмотрела, но брать трубку не спешила.

– Знаете, – подняла она на него взгляд снизу вверх. – Моя бабушка говорила, что если нет срочной необходимости, то с плохими новостями лучше повременить.

– Мудрая у вас бабушка, – убирая телефон в чехол на ремне, улыбнулся он ей и опустился рядом на подстилку.

– Вообще-то она моя прабабушка, – улыбнулась Анюта, вспомнив любимую бабуленьку. – Но я всегда называла ее бабушкой Мусей. И да, она была очень мудрой.

– По-моему, я вас разбудил, – присмотрелся к ней мужчина.

– Да я так, немного задремала. Наверное, последствия стресса, у меня так бывает, – оправдываясь, объяснила она.

– Это называется «адреналиновый откат», – объяснил Северов и вдруг предложил: – Давайте-ка, Анюта, вы устроитесь поудобней и покемарите.

И переложил рюкзачок, похлопав по нему приглашающим к отдыху жестом.

– А вы? – не стала отнекиваться Анна, чувствуя, что ее действительно буквально вырубает какое-то внезапно навалившееся, прямо непреодолимое сонное бессилие.

Может, на самом деле этот, как он там сказал? Откат?

– Спите, я вас постерегу, – пообещал ей мужчина.

Она легла на бок, головой на рюкзачок, пристроив как-то колени-ноги и безотчетно уже проваливаясь в первую сонливость...

– Я на чуть-чуть, просто отдохну... – прошелестела слабым шепотом, уже засыпая.

Северов присел на корточки перед почти мгновенно отключившейся девушкой, порасматривал сделавшееся безмятежным и спокойным ее лицо, все поражаясь, как же его так уго-раздило.

Ладно, поднялся он на ноги. Надо бы осмотреть вокруг, что и как, пока представители правоохранительных органов всех мастей не понабежали. В том, что срочным порядком к этому делу будут привлечены следователи из центрального областного правления, он не сомневался ни на минуту. Вопрос только, на каком этапе?

– Значит, у вас, гражданочка Погодина, была назначена встреча на берегу дальнего озера с гражданином Северовым? – в который уже раз повторил свой вопрос следователь.

– Да не было у нас ничего назначено с гражданином Северовым! Ни на ближнем озере, ни на дальнем, и вообще нигде! – негодовала от бесполезности попыток объяснить, как все было на самом деле, Анна и начинала повторять в очередной, сбившись со счета, который

уже раз: – Я же вам говорила уже, что каждое утро езжу на велосипеде на дальнее озеро, – произвольно начала произносить она слова четко, с нажимом, как дебиловатому ребенку, ученику-бестолочи, который не понимает простейших вещей и доходчивых, разумных объяснений. – Вот как проснусь утром, так сажусь на велосипед и еду. Спонтанно, понимаете? Не в какое-то определенное время.

– А зачем едете? У вас ведь в поселке озеро есть, совсем рядом? – безразличным тоном спросил следователь.

– Нравится мне! – изнемогала от тупости этого разговора Анята. – Моцион такой, вместо зарядки. Спорт называется. На дальнем озере есть залив, в котором вода нагревается, мне нельзя в холодной воде, – и вскидывалась возмущением. – Послушайте, зачем вы в который раз задаете эти глупые вопросы? Я же уже все объяснила вам.

– Вот я и говорю, – не отреагировав на всплеск ее возмущения никоим образом, тем же постным, плоским тоном продолжил задавать вопросы следователь. – Ездите через лес, а на озере у вас назначена была встреча с гражданином Северовым. Для каких целей назначена? Вы состоите в любовной связи?

– Не состоим мы ни в какой связи! – негодовала Анна. – Мы почти незнакомы, виделись и коротко общались всего два раза до происшествия! – И принялась снова взывать к разуму майора со смешной фамилией Крапко: – Послушайте, зачем вы изводите меня этими нелепыми вопросами? Я все вам объяснила, все рассказала, без всякой утайки, и все показала самым добросовестным образом.

– Все ли, гражданка Погодина? – хитро прищурившись, посмотрел он на девушку, буравя ее взглядом. – Все преступники утверждают поначалу, что они ни в чем не виноваты. У вас с гражданином Северовым имелась прекрасная возможность убить пострадавшего.

– И зачем мы тогда сообщили о нем в полицию? – задала она вполне логический вопрос.

– А вот это мы и должны выяснить, – многозначительным тоном заявил следователь Крапко, побуравя девушку подозрительным взглядом, и задал следующий вопрос: – Почему, обнаружив пострадавшего, вы побежали не в поселок за помощью, а поехали на дальнее озеро за гражданином Северовым, как вы утверждаете?

– Потому что до озера было гораздо ближе и я надеялась на его помощь, – тяжело вздохнув, ответила она уставшим голосом.

– Значит, все-таки знали, что он там будет? – обрадовался следователь «оплошности», допущенной в показаниях свидетельницы.

– Не знала, но предполагала, – повторила очередной раз Анна.

Там, в лесу, она проснулась от того, что ее тихонько и нежно трясли за плечо. Открыла глаза и увидела склоненное к ней лицо Антона Валерьевича, тронутое легкой улыбкой.

– Полиция приехала, – сообщил он.

Анята услышала громкие голоса, звучавшие где-то совсем рядом, резко села, немного ступавшись обстоятельствам и своему неожиданному сну, обнаружила, что была заботливо укрыта курткой Антона Валерьевича, что тоже несколько смутило, но поняла, что, как ни странно, чувствует себя отдохнувшей и гораздо более бодрой.

И это были последние приятные и спокойные мгновения этого бесконечно затянувшегося ужасного утра. Сначала Анна с Антоном Валерьевичем давали свои свидетельские показания на месте, рассказывая и показывая, как, что и где происходило. После чего их сопроводили домой полицейские, чтобы они могли привести себя в порядок и взять документы для оформления официальных показаний.

Вернее, Анна точно не знала, сопровождал ли кто-то Северова, имея большие сомнения насчет того, что кто-то вообще способен куда-нибудь сопроводить этого мужчину. А вот ее проводил до самого дома молодой молчаливый полицейский, который остался сидеть на скамейке у входа, дожидаясь, когда девушка приведет себя в порядок, чтобы идти вместе с ней

туда, где будут проводиться дальнейшие следственные мероприятия, что бы под этим ни подразумевалось. Аня, например, понятия не имела, что это за мероприятия такие.

И это были еще цветочки, скажу я вам! Мирная, можно сказать, жизнь.

Пока она отмывалась от грязи и крови, лежа в ванной, затем Лена обрабатывала многочисленные порезы, мелкие ранки и ушибы Ани, полученные во время спасательной операции, потом переодевалась и завтракала, опекаемая уже обеими женщинами с двух сторон, – она без остановки и передышки рассказывала и рассказывала о происшествии все самым подробнейшим образом и отвечала на многочисленные уточняющие вопросы Александры Юрьевны, не оставлявшей ее ни на минуту с того момента, когда растревоженная тетушка лично открыла двери дома, встречая пропавшую племянницу и маячившего у нее за спиной полицейского.

Пришлось Аняте безнадежно и окончательно рассекречиваться, признаваясь в факте своего случайного знакомства с загадочным соседом, и про вторую встречу на озере тоже докладывать.

И только когда Александра Юрьевна посчитала, что Анна чувствует себя достаточно хорошо, добротнo накормлена и обихожена, ответила на все предварительные пока вопросы, она позволила полицейскому, все это время дожидавшемуся на скамейке в компании чайника с крепким горячим сладким чаем, бутербродами и печеньем, сопроводить племянницу в здание поселковой администрации. Там в кабинете Аристарха Марковича был устроен временный опорный пункт следственной группы, где за столом председателя и расположился майор Крапко, который проводил опрос свидетелей.

И вот уже битый час Аня отвечает на его вопросы, понемногу тупея, тихо зверея, все-речь заводясь негодованием, поскольку они ходят по кругу – он задает и задает одни и те же совершенно идиотские вопросы, выстраивая не менее идиотские предположения и версии, а она втолковывает этому упертому следаку, как все было на самом деле.

Идиотизм полный.

А майор Крапко, повторяя и повторяя нервной барышне одни и те же вопросы, пугая и продавливая, пока без нажима, так, легонько, вновь и вновь с тоскливой обреченностью думал о том, что оказался бы сейчас где угодно, даже на даче у тещи-заразы, и за милую душу, только бы не в этом «Озерном», будь он неладен сто раз.

Никто из их райотдела не хотел, даже под страхом увольнения, соваться в этот поселок и на мелкие происшествия, а уж убийство – это вообще трындец, полная, большая Ж...

До конца его смены оставалось два часа, когда дежурный принял вызов из этого элитного, недоступного «Озерного» и передал его Матвею, который витиевато, прочувствованно выматерился, оценив всю степень своего конкретного попадалова. Начальство, которому он тут же доложил о происшествии, оценив «открывающуюся перспективу» этого дела и уже своего попадалова, с чувством завернуло такой трехэтажный выкрутас, что позабористей выступления майора было на порядок, а проматерившись от души до печенок, отдало приказы.

Когда Крапко со следственной группой и экспертами добрались до места преступления и он увидел того самого свидетеля, что вызвал их «на труп», у него мгновенно разнылся зуб, из которого еще год назад удалили нерв, безошибочно предсказывая кучу вонючих неприятностей на всю его майорскую голову.

А когда позже он вносил в бланк протокола данные военного билета того самого бодрого свидетеля, пригласив его для дачи официальных показаний в кабинет председателя товарищества... ох-хо-хо, твою ж дивизию. «Подполковника инженерных войск» Крапко еще кисло, но как-то проглотил, но на классификации «специального подразделения» безысходно затосковал и скис окончательно.

Перед ним сидел спокойный и безмятежный, как майское солнечное утро, мужик, добродушно-нейтрально улыбаясь, демонстрируя полную готовность к открытому, честному сотрудничеству, как и положено законопослушному гражданину. И на офицера инженерных войск

он был похож так же, как домашний Мурзик на дикую боевую рысь. Уж Крапко таких волчар матерых чуял безошибочно, приходилось сталкиваться, повидал – тьфу-тьфу-тьфу – три раза.

И вот что поразительно – ведь ничего особенного: мужик как мужик, самая обычная внешность, ну высокий, жилистый, под одеждой и не поймешь, есть ли вообще у него мускулатура. И двигается не как борец или единоборщик какой, и ни тебе прорисованных мышц и косой сажени в плечах, ни тебе взгляда, буравящего как рентген, ни надменной пренебрежительности, присущей людям богатым и обличенным властью, ни плохо скрываемого скепсиса, обычного для крутых вояк по отношению к простым службистам вроде Матвея, – ничего такого и близко.

Простой такой чувак, сидит вон себе расслабленно, улыбается открыто... а у Крапко за те десять минут, пока он заполнял протокол, от напряжения и какого-то животного интуитивного страха, сводившего живот, вся спина и подмышки мокрые. А он, между прочим, не щегол зеленый, послужил, и под пули бандитские приходилось попадать, а вот трясется что-то там внутри мелко так, испужно.

Посмотрев в окно, чтобы взгляд хоть ненадолго отдохнул от вида этого безмятежного мужика, улыбавшегося одним уголком губ с легкой иронией, Матвей Крапко поносил себя последними словами.

Вот какого хрена он не поменялся с Капустиным дежурствами, а? Теща-злыдня весь мозг проклевала, что им с тестем нужна помощь на даче, что-то там прибить-приколотить, подкопать и починить, шпыняя зятя за его работу бестолковую, с которой он и денег толком не приносит, и дома его нет постоянно, да и помощи от него не дождешься.

А он, вот ведь дурак, еще радовался, что сегодня дежурит и может спокойно забить на все тещины выступления. Ох дура-а-ак, и чего не поменялся с Капустиным...

Крапко протяжно вздохнул, перевел взгляд с буйной зелени за чисто вымытым окном на мужика и, преодолевая себя, попытался было задать вопросы, которые подготовил для этого «подполковника», но Северов его остановил в самом начале «наступления», предложив со спокойной уверенностью человека, знающего, что все будет именно таким образом, как он решил и сказал.

– Давай, майор, так сделаем, – улыбнулся дружелюбно-сочувствующе мужик. – Чтобы ты не возбуждался и лишними версиями голову себе не забивал, я сообщаю тебе сразу под протокол: убитого я не знаю, видел первый раз в жизни уже мертвым и совершенно определенно не стрелял в него. А чтобы не усложнять наше общение и твою работу, ваш эксперт возьмет у меня смывы на продукты порохового горения с рук, одежды и волос. Это освободит тебя от непродуктивного рвения. Кстати, девочка тоже не стреляла в потерпевшего.

Матвей посмотрел на мужика с тоской, попытался изобразить изучающий следовательский взгляд, не возымевший на того ровно никакого действия, и, дав прочитать и подписать протокол, пробурчав про «не отлучаться из поселка», отпустил.

А какие варианты? Мать его ети, волчару такого!

Зато, что отрадно, после общения с инженерным подполковником он с большим эстетическим удовольствием, компенсируя все пережитые унижения, отрывался на этой свидетельнице, реанимируя пошорканную гордость следователя, повторяя в разных вариациях одни и те же вопросы, практически уже прямым текстом обвиняя ее в убийстве.

– Значит, вы утверждаете... – продолжил Крапко.

Но был прерван ворвавшимся в кабинет Аристархом Марковичем, круглое лицо которого, обычно добродушное и какое-то пушистое, приобрело ярко-бурый, свекольный цвет, глаза возбужденно поблескивали возмущенным огнем, а приземистое, бочкообразное тело, двигаясь с поразительной скоростью, просеменило к столу. Он натужно-мило улыбнулся Анне, попросив девушку:

– Анечка, вы не выйдете на минутку, мне надо кое-что срочно сообщить товарищу майору.

Выйдет, конечно, и лучше насовсем и с большим удовольствием, подумала ворчливо-устало Анна, пожав плечами.

Минут через пять Аристарх Маркович вышел из своего кабинета уже с нормальным цветом своего пышного лица и удовлетворенной улыбкой и галантно придержал дверь перед Анной.

– Проходите, Анечка.

Она и прошла, тяжело вздохнув от безнадежности, с кислой тоской ожидая продолжения бессмысленного допроса. Или что у них тут со следователем происходит? Опрос свидетеля или предъявление обвинения?

И неожиданно обнаружила странную метаморфозу, произошедшую в облике полицейского майора: теперь его лицо сделалось пунцового цвета, как у прервавшего их беседу Аристарха Марковича, при этом, низко опустив голову, он с особо тщательным вниманием вычитывал что-то в бумагах, лежавших перед ним. Но когда Анна подошла к столу, то даже сесть не успела, как следователь, не поднимая на нее глаз, протянул девушке протокол и проворчал слегка севшим голосом:

– Напишите: «с моих слов записано верно» и поставьте подпись.

А Анну вдруг так заело это откровенное хамство. Понятно же, и гадать не приходится о природе столь резкой метаморфозы в поведении этого Крапко – без тетушки Александры, видимо позвонившей и накрутившей председателя, явно не обошлось, хоть Аня и просила ее не вмешиваться. Но этот... следователь мурыжил ее больше часа, а теперь он, видишь ли, притух, испугавшись, и торопится от нее отделаться, даже не извинившись. Сунул бумажки в руки – и все, пошла, мол, свободна.

Да сейчас!

Анна села на стул, взяла в руки бланки протокола и принялась старательно читать написанное.

Может, ей послышалось, но, кажется, майор Крапко издал какой-то придушенный горловой звук и проскрипел зубами. Протокол она прочла, указала на несколько грамматических ошибок, допущенных в тексте, и подписала.

– Не покидайте поселок в ближайшее время, – торопливой скороговоркой пробурчал следователь.

– Какое именно время? – уточнила Анна.

– До выяснения всех обстоятельств, – туманно ответил тот.

– А если вы их до зимы выяснять будете? – поинтересовалась ровным тоном Анна. – Или вообще никогда не выясните?

Майор промолчал, поскрипев зубами и погоняв желваки на скулах, но посмотреть на девушку так и не рискнул, отделался красноречивым сопением.

– Понятно, – кивнула Анна.

И покинула кабинет, не удостоив прощанием майора Матвея Крапко, очередной раз почувствованно выматерившегося, как только за девушкой закрылась дверь.

Но для Анны бесконечный день на этом не закончился.

Неизвестно каким образом Бибиси удалось разузнать о найденном в лесу трупе и выяснить кое-какие подробности этого происшествия, способности добывать информацию у этой тетки были феноменальные, и уже к вечеру весь поселок, оповещенный Степанидой, обсуждал небывалое событие.

Бибиси рвалась посетить Александру Юрьевну, чтобы вытянуть детали и подробности лично у Анны, но Лена стойко защищала «рубeжи» и, двинув версию про «почивающую барыню, не велевшую пушать», шуганула настырную тетку.

Надолго ли – вопрос. Понятно же, что рано или поздно Степанида своего добьется и где-нибудь да обязательно подстережет Аню или найдет способ как-то просочиться в гости, чтобы получить «эксклюзивное интервью» свидетельницы. Но хотя бы на сегодня они отделались от общества этой «новостной ленты».

– Ну, что? – встретила племянницу вопросом тетушка.

– Представляешь, – плюхнувшись бессильно-устало в уютное английское кресло, поделилась возмущением Аня. – Этот следователь, майор Крапко, задавал мне одни и те же вопросы в разных вариациях раз сто, наверное. Я ему рассказываю, объясняю, как все происходило, а он уперся: «Вы договаривались о свидании с гражданином Северовым».

– А вы договаривались? – перебила возмущенную речь племянницы Александра Юрьевна, приподняв вопросительно-иронично одну соболиную бровку.

– Тетушка! – попеняла ей Аня.

– Ладно-ладно, – поспешила успокоить ее тетка Александра. – Я тебе верю абсолютно, – и продолжила выяснять: – Что он еще тебе предъявлял?

– Да практически прямым текстом обвинил меня и Антона Валерьевича в убийстве этого мужика! – пожаловалась еще более форсированно-возмущенно Аня.

– Пустое, – отмахнулась величественным жестом красивой холеной руки, блеснувшей бриллиантом на замысловатом перстне, Александра Юрьевна. – Не бери в голову.

– Да как не бери! – разволновалась Анна. – Он же вполне реально может упереться в эту версию и вести следствие в этом направлении, определив нас на место убийц.

– Да не будет никакого следствия, – посмотрев снисходительно на племянницу, со спокойной, величественной уверенностью остудила ее негодование тетушка.

– Как не будет? Почему не будет? – обескураженно уставилась на нее Аня.

– Да так и не будет, – уверила тетушка и принялась разъяснять: – Майора этого послали на этот выезд, выбрав из всех остальных, потому что его не жалко и спокойно можно подставить «под катки», назначив крайним. Видимо, гражданин Крапко не на самом хорошем счету у начальства и, судя по тому, как он начал с ходу предъявлять чуть ли не обвинение и гнობить тебя, еще и откровенно туповат. Думаю, он и сам понимает, что его используют лишь для того, чтобы отработал с экспертами на месте преступления, завел и оформил дело. А завтра утром придут следователи областного Следственного комитета и прокуратуры и заберут дело у района. И с вероятностью практически в сто процентов в результате следственных действий установят, что убил кто-то посторонний, не имеющий никакого отношения к «Озерному». Места у нас шикарные, но не заповедник, увы, и люди, предпочитающие отдых с палатками и рюкзаками, частенько заходят в окрестности. Их, конечно, охранники и егеря гоняют, но за всеми не уследишь. Напишут заключение, что какая-то компания что-то там между собой не поделила, и в результате межличностного конфликта потерпевший был застрелен, а преступники тихо скрылись на просторах Предладожья и далее по любому маршруту в неизвестном направлении. Камер в лесу нет, и хрен кто их найдет.

– Но как же так, тетя Саш? – расстроилась отчего-то Аня. – Ведь совершенно очевидно, что его застрелил кто-то из местных. Кто-то, кто знает местность, знает про эту яму и спрятал его там.

– Вполне возможно, – согласилась с ней тетушка. – Только никто не станет отрабатывать эту версию.

– Да почему? – негодовала Аня.

– Нет, ну Аня, – попеняла тетушка. – Я понимаю: у тебя выдался ужасный день, стресс и еще этот следователь тебя замучил и допек, но нельзя же совсем отключать разум! – И пояснила с ироничной усмешкой: – Если предположить, что сделал это кто-то из «Озерного», то по правилам следует опросить всех жителей поселка, чтобы сузить круг подозреваемых. Как ты себе представляешь следователя Крапко, задающего вопрос заместителю губернатора, где тот

был и что делал ночью с такого-то по такой час и кто может это подтвердить? Или интересуется у начальника департамента, знал ли тот убитого? Или, сидя в итальянском кресле ампир, обитом парчой с золотым тиснением, заполняющего на ломберном столике восемнадцатого века протокол опроса Олимпиады Власовны?

– М-м-да, – согласилась расстроено Аня.

– Да он еще толком не приступил к делу, а уже накосячил не по-детски: наехал на тебя неосмотрительно, видимо, посчитав, что ты тут фигура совсем незначительная и просто гостишь у родственницы. Гордыню свою ущемленную тешил. За что и получит, дурилка недальновидная.

– Да ладно, тетушка, – примирительно протянула Анна, отмахнувшись. – Что на него обижаться, человек служивый, делает свою работу как умеет. А что перегнул с моим допросом, так его можно понять: расстроен майор, он же наверняка все понимает про свои возможности, про «Озерное» и его обитателей.

– Охо-хо, – тягостно вздохнула Александра Юрьевна, покачав безнадежно головой, – права была бабушка Муся: блаженная ты у нас, Анята, не от мира сего, пропадешь по светлости своей, – и, поразглядывая племянницу сердобольным, жалеющим взглядом, повторила вздох тяжелый: – Охо-хо.

– Не все так плохо, тетушка, – рассмеялась звонко Аня, – мне вполне удастся очень даже хорошо жить. Работа у меня замечательная, прекрасная просто, и люди меня окружают уникальные, и Ромка у меня золотой.

– Золотой, – согласилась Александра Юрьевна, – только тем и жива, что работа у тебя особенная, исключительная, коллеги-соратники – люди выдающиеся и ребенок замечательный.

– И ты, – напомнила оптимистично Анна.

– И я, – согласилась тетка с ее утверждением. – Ладно, – вернулась она к предмету их беседы, – о тебе мы еще поговорим. А что касается убийства, то, как ни странно, но я склоняюсь к версии о залетных отдыхающих, – поделилась тетушка своим выводом.

– Почему?

– По большей части, – пустилась в подробное объяснение Александра Юрьевна, – в «Озерном» владеют домами-участками люди, имеющие в своем багаже такие непростые тайны, которые могут каждого из них пусть и не до тюрьмы довести, хотя и такое вполне реально, но сильно попортить репутацию и карьеру. Ну не бывает управленцев высшего звена в белых перчатках, с кристально чистой совестью, свободной от грехов, иначе они не управленцы. Сама система часто вынуждает к некоторым, скажем так, свободным трактовкам своих властных возможностей. И эти люди умеют великолепно просчитывать последствия и очень добротны и грамотно охранять свои тайны, пользуясь ресурсами и услугами специальных людей для решения некоторых щепетильных вопросов. Причем я имею в виду далеко не убийство, а гораздо более безобидные вещи на уровне документов и левых дел. Никто бы из них не стал так откровенно подставляться и гадить у собственного порога. Понятно, что те жители поселка, кто занимает высокие посты, обязательно сделают громкие публичные заявления и пообещают держать расследование на контроле, благополучно направляя его на версию о залетных ухарях, стрелявших в нашем лесу, а то и вовсе сведут на нет, тихо отправив в нераскрытые, так называемые висяки. На всякий случай, чтобы не получилось как в том анекдоте: «Проведя тщательное и беспристрастное расследование, вышли на самих себя».

– Но разве никто не захочет разобраться и узнать, кто, как ты говоришь, «нагадил» прямо возле их дома? – не согласилась с тетушкиным прогнозом Анна.

– Зачем? – пожала пренебрежительно плечами Александра Юрьевна. – Знать чужие тайны – дело, конечно, прибыльное, но не всегда безопасное. А такие тайны лучше не трогать вообще, чтобы не огрести, как нынче принято говорить. Конечно, есть большая вероятность того, что это убийство совершил кто-то из прислуги. Практически у каждого в поселке имеется

обслуживающий персонал. И хотя хозяев, как правило, не интересует, как говорят в Англии, *from belows stairs*, «мир под лестницей», то есть жизнь слуг, но даже в этом случае причастие к скандалу, пусть даже косвенно, одним упоминанием, что человек, работающий на тебя, оказался убийцей, никому не нужно. Так что никакого особого расследования не будет. И все же я склоняюсь к версии, что тут кто-то чужой, не наш отметился, – задумчиво протянула тетушка Александра. И резко выдохнула, переключая тему: – Ладно, на сегодня нам более чем достаточно разговоров об убийстве. – И распорядилась: – Давайте, девочки, накрывайте стол, пора уж. – И улыбнулась многозначительно, посмотрев на Анну, мягким, душевным тоном огласив придуманную ею программу: – Посиди-и-им неторопливо, поу-у-ужинаем, и ты нам с Леной расскажешь, как тебе понравился и какое впечатление на тебя произвел этот загадочный Антон Валерьевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.